

A detailed illustration for a book cover. A woman with long black hair, wearing a dark blue, long-sleeved, floor-length dress and a black choker with a gold medallion, sits on a red tufted chair with ornate gold carvings. A man in a black suit and white gloves leans over her, his hand resting on her cheek. The background is dark and moody.

Олеся Семенова

*Вкус
ликориса*

18+

Олеся Семенова

Вкус ликориса

<https://litres.ru/73472814>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двести лет непрерывной службы Теневым стражем в мире Дагсатарона — и Лукан Теневин наконец получает отпуск. Его мечты просты: покой, хорошее вино, изысканная одежда и редкие, но вкусные души.

Никакой суеты, никаких приказов, никакой крови.

Но отдых в мире людей 1721 года оказывается не таким спокойным, как хотелось бы. Петербург только что отпраздновал рождение империи, а на лесных дорогах уже льется кровь.

Она — графиня без прошлого. Смертная, дерзнувшая бросить вызов судьбе.

Виктория Астон бежала из Англии, чтобы начать все заново. В чужой стране, без связей и союзников, она готова на все ради мести и нового имени. Даже нанять в услуги того, кого стоит бояться.

Их встреча случайна. Их союз — сделка. Плата — ее душа. Ее выгода — верный союзник, способный решить любые проблемы.

Но когда демон и смертная оказываются так близко, границы между охотником и добычей стираются. Вкус ликориса — сладкий, как надежда, и горький, как смерть — меняет все.

Содержание

Глава 1 Демон хочет отдохнуть	4
Глава 2 Новая работа	14
Глава 3 Утренние хлопоты	31
Глава 4 Фабрика	52
Глава 5 Званный ужин	71
Глава 6 "Долгожданные" гости	89
Глава 7 Подготовка к празднованию нового года	110
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Вкус ликориса

Глава 1 Демон хочет отдохнуть

Он лежал на поле боя, раскинув руки, и безучастно смотрел в небо. Еще несколько часов назад здесь полыхали багряные шапки ликорисов, а теперь земля пропиталась кровью и была усеяна искореженными телами чистильщиков. Очередная зачистка территорий Бас-Ильтона завершилась успешно.

Пролежав неподвижно еще некоторое время, Лукан наконец заставил себя подняться. Раны на предплечье и бедре уже почти затянулись.

— В этот раз дольше... — тихо проворчал он, стирая с лица липкую смесь пота и чужой крови.

Он оглядел свой кожаный доспех, когда-то черный и элегантный, а теперь изрядно потрепанный: полосы от вражеских клинков, въевшиеся пятна яда. Едва слышно выругавшись, Лукан накиннул на голову капюшон, скрывая лисий разрез темно-синих глаз и густые черные брови, одну из которых пересекал тонкий, едва заметный шрам. Убедившись, что «Клык Теней» надежно закреплен в ножнах, теневой убийца направился к вышестоящему руководству. Нужно было отчитаться о выполненном задании и, наконец, выпросить тот самый долгожданный отпуск.

Лукан. Демон, Теневой страж, сама Тьма во плоти. Так его

называют в этих землях. Высокий и статный воин, чья сила граничит с благословением или проклятием богов. О его появлении в мире Дагсатарона не знает никто. Остались лишь легенды... и страх в глазах тех, кто выжил после встречи с ним.

Лукан не спеша двигался по узкой тропе, что вилась вдоль густого леса, утонувшего в колючем плющевике. Мысли текли лениво, возвращаясь к одному — отпуск. Двести лет. Два столетия непрерывной службы в должности Теневого стража вымотали его так, как не выматывала ни одна битва. Он привык к сражениям, они были частью его естества, частью проклятия или дара, но сейчас даже та безымянная часть его мрачной души, что звалась Тенью, жаждала покоя.

Спустя два часа пути лесная тропа вывела Лукана к развилке. Четыре дороги расходились в разные стороны, и в центре этого перекрестка время словно замедлялось. Солнце уже коснулось края земли, разливая по небу чернила ночи. Лукан встал в центр, глубоко вдохнул пряный воздух сумерек и выдохнул — долго, со свистом, словно выпуская наружу не только воздух, но и накопленную усталость.

Ветер сдернул капюшон, играя с его черными волосами. Лукан запрокинул голову, встречая взглядом первую звезду. Легкая улыбка тронула губы — жест, который редко видели враги и никогда — союзники.

— Явись, — негромко бросил он в сгущающиеся сумерки.
— Зачем звал? — Голос из тени был похож на шелест

осенних листьев по камням.

— Дорога вымотала, — Лукан провел рукой по лицу, стирая невидимую пыль. — Нужно уйти глубоко. В Низы.

Тень на восточной дороге дрогнула, уплотняясь, обретая форму. Из мрака выступила тощая фигура в балахоне, сжимающая посох. Фонарь на его конце горел мертвенным светом не для того, чтобы освещать путь, а чтобы видеть тех, кто идет во тьме.

— Следуй, — прошелестело из-под капюшона.

Тьма сомкнулась вокруг Лукана вязким, непроницаемым туманом, а когда рассеялась — мир словно перевернулся.

Он стоял посреди ослепительно светлого зала. Белоснежный мрамор пола уходил под ноги идеально гладкой поверхностью, отражая сияние десятков фарфоровых светильников, свисающих с высокого, светло-серого потолка. Их свет был мягким, но холодным — не живое пламя, а магия, заточенная в хрупкий белый фарфор.

Стены, резные дубовые панели пепельного оттенка, казались живыми благодаря искусной резьбе. На них, словно в галерее вечности, висели картины в строгих черных рамах. Пейзажи неведомых земель, портреты существ, которых он никогда не встречал, и лица, которые показались бы смутно знакомыми любому смертному. Между полотнами, на изящных мини-тумбах, мерцали свечи, роняя живые блики на безупречный пол. А в промежутках, словно стражи, застыли узкие, высокие кувшины с темно-синим горлышком — их

глазурованная поверхность поблескивала в магическом свете.

Лукан сделал вдох. В зале пахло воском, старой бумагой и едва уловимым холодом — будто здесь никогда не бывало живого тепла.

Покинув зал и пройдя по узкому светлому коридору, Лукан остановился перед дверью из мутно-черного стекла. Тяжелая, холодная, она не пропускала ни звука, ни света. Он толкнул ее, даже не потрудившись постучать.

— Как обычно, ни стука, ни приветствия, — голос резанул тишину, как лезвие по стеклу. Сухой, строгий, женский.

Кабинет встретил Лукана привычным полумраком. Темный дуб стен, в котором бордовыми всполохами горели лилии в резных рамках. Высоко под потолком золотая люстра расточала живой свет сотен свечей, но он тонул в черноте, не в силах ее победить. Вдоль стен громоздились стеллажи, тяжелый сейф, диван, столик — все на своих местах.

А в центре, за массивным столом, восседала Она.

Седые волосы уложены в безупречную прическу, черные шпильки поблескивают в свете свечей. Тонкие губы сжаты в нитку. Светло-голубые глаза смотрят с прищуром — в них нет тепла, только оценка. В изящных пальцах зажат мундштук, дым от которого вьется вокруг ее лица, словно защитная завеса.

— Садись, — кивнула она на стул напротив. — Рассказывай.

— Садила, я выполнил свою работу.

— Знаю. — Она выпустила дым колечком, наблюдая, как оно тает под люстрой. — Что дальше?

— Отпуск.

— Лукан...

— Двести лет, Садила. — Он не повысил голос, но в нем зазвенела усталость, которую невозможно подделать. — Я не прошу увольнения. Я прошу две недели тишины.

Она замерла с мундштуком у губ. Светло-голубые глаза, обычно холодные, как зимнее небо, вдруг потеплели.

— Знаешь, — медленно произнесла Садила, — за двести лет ты впервые назвал меня по имени без приказного тона.

Лукан усмехнулся:

— Старею.

— Стареешь, — согласилась она. — Ладно. Отдыхай. Но если через месяц не вернешься — найду. Даже в Низах.

Она улыбнулась, и в этой улыбке Лукан увидел не начальницу, а ту, кто когда-то давно приняла его в Теневые стражи.

Горячая вода сделала свое дело — мышцы расслабились, боль ушла глубоко внутрь, спряталась до следующего раза. Лукан лежал в ванне, глядя в потолок, и позволял лавандовому аромату вытеснять из ноздрей запах смерти.

Он не думал ни о чем. Впервые за двести лет — просто ни о чем.

Потом было полотенце, зеркало, небесно-голубая рамка, которая всегда казалась ему слишком красивой для этого до-

ма. Он смотрел на свое отражение и видел того же Лукана, что и сто, и двести лет назад. Те же черные волосы, те же синие глаза, тот же шрам на брови.

— Да нет... — Он коснулся пальцами скулы, провел по линии челюсти. Кожа была гладкой, упругой. Бессмертие не давало морщин. — Не старею.

Он помолчал, всматриваясь в глубину своих зрачков.

— Просто устал.

И впервые за долгое время позволил себе поверить в это. Рубашка из тончайшего батиста, брюки из черной шерсти — Лукан одевался медленно, смакуя каждое движение. Процесс переодевания был для него ритуалом, данью уважения к той форме, которую он носил.

Он любил изыск. Любил, когда ткань ласкает кожу, когда запонки блестят в свете свечей, когда сапоги сидят идеально. Его внутренняя сущность, древняя и темная, требовала красоты как компенсации за вечность во мраке.

Этот облик он выбрал не случайно. Черные волосы, синие глаза, точеные черты — совершенная маска, под которой никто не видел правды. Столетия иллюзии.

Лукан прошел в гостиную, налил себе бокал темно-рубинового вина, сделал глоток, и прикрыв глаза, наслаждался терпкостью вкуса и фруктовыми нотами.

— Хорошо, — выдохнул он.

Вино, одежда, души — три его страсти. Но если первым двум он предавался часто, то третью позволял себе редко.

Слишком опасное удовольствие. Слишком легко сорваться.

Дисциплина. Баланс. Даже для демона существуют законы.

Он поставил бокал, не допив. Воздержание — плата за свободу.

Тишина давила на уши, но Лукану она была нужна — в ней он слышал себя настоящего.

Пальцы отбивали медленный ритм по золоченому столику. Размеренно. Спокойно. Но внутри уже начинало закипать.

Зрачки дрогнули, расширяясь, вбирая свет, а затем — резкий спазм, и синеву радужки прорезала вертикальная змеиная щель.

Ухмылка.

Сердце ударило тяжело, как колокол, и эхо этого удара разнеслось по всему телу. Душа — та самая, древняя, темная, что не имела имени — рванулась к горлу, требуя выхода. Плоть стала тесна. Слишком тесна для того, кто дремал внутри.

Зверь открыл глаза.

Лукан вдохнул — глубоко, смакуя, — и в этом вдохе смешались ароматы лаванды из ванны и далекий, едва уловимый запах живой души где-то за стенами поместья.

Он чувствовал. Желал. Голодал.

— Думаю, настало время поиграть, — промурлыкал он, и голос его уже не принадлежал человеку. — В охотника и

добычу.

Тьма приняла его.

Он не планировал охотиться сегодня. Честно. Двести лет дисциплины приучили его контролировать голод, дозировать удовольствие, соблюдать баланс.

Но судьба сама привела добычу к его порогу.

Лукан стоял в тени старого дуба и наблюдал за суетой на берегу. Трое парней, молодых, горячих, полных жизни. Один тонет. Двое в панике.

Внутренний зверь потянулся, заинтересованно поведя носом. Смерть всегда притягивала его — не сама по себе, а тот коктейль эмоций, что ей сопутствовал. Страх. Отчаяние. Надежда. Любовь.

Особенно любовь.

— Сиган! Нет!

Голос старшего брата резанул по тишине, и Лукан почувствовал это — чистейшую, концентрированную душу, готовую на все ради спасения другого.

— Боже, прошу! Помогите мне! Я готов на все...

Лукан улыбнулся в темноте.

— На все? — прошептал он одними губами. — Посмотрим.

Он вышел из тени, когда момент отчаяния достиг пика. Красивый, спокойный, почти божественный в своем совершенстве. Спаситель, явившийся из ниоткуда.

— Я могу... — сказал он, и они поверили.

Дальше было легко. Смертные всегда доверчивы, когда речь идет о спасении близких. Оживить утопленника — пара пустяков для того, кто повелевает жизнью и смертью. Главное — правильно рассчитать время, чтобы душа еще не ушла слишком далеко, но страх уже достиг пика.

Потом был внутренний двор, залитый лунным серебром. Шиповник тянул колючие ветви к небу, а сверчок выводил свою бесконечную трель — единственного свидетеля того, что здесь произошло.

— Не бойся, ты не почувствуешь боли.

Слова упали в тишину, и парень поверил. Его последний вздох был не криком, а тихим, доверчивым выдохом. Синие глаза смотрели в серые глаза, и в зрачках жертвы отражалась луна, а в зрачках демона — разгорался голод.

Душа вошла в Лукана медленно, как дорогое вино входит в хрустальный бокал — тягуче, смакующе, с ароматом, который не спутать ни с чем.

Он смаковал, получал удовольствие.

Молодость — терпкая, свежая, как первый глоток утра. Страх — острый, бодрящий, придающий глубину. Преданность брату — теплая, почти сладкая. И надежда... эта глупая, светлая надежда на счастливый финал. Она была лучшей нотой в этом букете.

— Спасибо, — выдохнул Лукан, глядя в остекленевшие глаза. — Ты был изыскан.

Белый платок промокнул его губы. Дверь закрылась за спиной. Внутри разгоралось удовольствие, растекшееся по венам жидким огнем.

День удался.

Глава 2 Новая работа

Утро началось с тупа.

Лукан открыл глаза, посмотрел в потолок и позволил себе минуту неги. Двести лет подъем по свистку — и вдруг тишина, покой, никаких срочных заданий.

Роскошь.

После ванны и тщательного причесывания (черные волосы должны сиять, это аксиома) он вышел во двор оценить масштаб вчерашнего ужина.

Тело лежало там же, где и упало — у кустов шиповника. Посиневшее, окоченевшее, с остекленевшими глазами, устремленными в небо.

— Ай-яй-яй. — Лукан присел на корточки, разглядывая экспонат. — Некрасиво. Совсем некрасиво. Мои кусты, между прочим, цвели тут до тебя.

Он вздохнул, как садовник, обнаруживший сломанную ветку, и взялся за работу.

Тело отправилось в камин. Запах — отдельная песня. Пришлось открывать все окна и проветривать.

— Ну и вонь, — поморщился Лукан, обмахиваясь платком. — Надо будет в следующий раз есть подальше от дома. Или заказывать вывоз тел. Интересно, в городе есть служба утилизации?

Он задумался об этом всерьез, пока огонь пожирал дока-

зательства его аппетита.

После обеда — книга, диван, нога на ногу. Лукан читал и чувствовал себя почти смертным. Почти человеком. Почти счастливым.

— Надо бы проветриться, — решил он, захлопывая том.
— Другие миры, другие души... Отпуск все-таки.

Хруст потянутых костей, тень, пустота. Он просто исчез, словно его там и не было.

22 октября (2 ноября) 1721 года. Санкт-Петербург

Серое небо Петербурга в тот день словно расступилось, уступая место торжеству. Тысячи людей заполнили площадь перед Троицким собором, затаив дыхание. Золото парчи и серебро седины сенаторов сливались в единую волну, когда канцлер Головкин, с трудом сдерживая дрожь в голосе, обратился к государю:

— Прими, Государь, титул Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского!

Петр, чей мундир был так же прост, как и всегда, хмурился, словно отмахиваясь от наваждения, но в глазах его плясал тот самый огонь, что жег леса под Полтавой. Он молчал минуту, другую. Тишина давила на уши сильнее пушечной канонады. Казалось, даже ветер замер в ожидании. Наконец царь кивнул — коротко, резко, словно приговор подписал. И этот кивок стоил громче тысячи слов.

В тот же миг пушки рывкнули так, что, казалось, сам воз-

дух в Петербурге пошел трещинами. Дым от пальбы смешался с болотными испарениями, и на миг почудилось: над Невой встают призраки тех тысяч безымянных, что легли в топи, строя этот город на костях. Мертвые строители явились взглянуть на дело рук своих — и исчезли, смытые пушечным громом. Империя рождалась в пороховом дыму и кровавом поту — иного пути у нее не было.

Лукан стоял на паперти собора, прижавшись спиной к холодному камню. Его никто не замечал — он просто тень среди теней, случайный прохожий в черном плаще, каких много в этот праздничный день. Люди текли мимо, как вода сквозь пальцы, не задерживая взгляда на незнакомце с неподвижным лицом и слишком синими глазами.

Демон наблюдал.

Он видел не только толпу — он видел то, что скрыто от смертных. Как над площадью сгущается нечто новое, тяжелое, доселе невиданное. Душа рождающейся Империи — огромная, хищная, голодная. Она втягивала в себя крики «Виват!», звон колоколов, пороховой дым — и росла, наливалась силой.

«Интересное время», — подумал Лукан, обводя взглядом площадь. Он чувствовал этот момент каждой клеткой своего древнего естества. История делала крутой поворот, и в такие минуты воздух становится особенно... вкусным.

Император вышел из собора. Толпа взревела — и Лукан увидел, как сотни людских душ на миг отделились от тел,

потянувшись к своему кумиру в едином порыве обожания. Слепая вера, преданность, готовность умереть по первому слову — все это плескалось в воздухе, пьянящее и терпкое.

— Интересное и кровавое, — одними губами прошептал демон. — Здесь будет чем поживиться.

Он сделал шаг назад, и тень соборной стены приняла его в свои объятия, растворив без остатка. А над Невой все гремели пушки, возвещая миру о рождении новой Империи.

Карета резко затормозила, отчего сидящая внутри недавно прибывшая в Санкт-Петербург аристократка едва не слетела с сидения.

— Мой Бог! — выругалась девушка с едва уловимым акцентом.

Какие-то секунды — и карета вновь двинулась. За окнами красовался бескрайний лес. Высокие сосны, редкие, стройные березки тянулись к серому небу. До поместья, казалось, оставалось совсем немного, однако что-то вновь заставило карету резко затормозить. В этот раз девушка не удержалась и упала на пол. Визг лошадей, еще один резкий рывок — и карета встала, обездвиженная.

— Да что же там происходит?!

Дверца распахнулась, и девушка наконец выбралась наружу. Никого. Гробовая тишина стояла над лесом, лишь где-то далеко каркнула ворона. Спустившись по ступенькам, девушка поправила темный полушубок, взяла подол платья и

направилась к кучеру.

— Михаил, — начала она с легким акцентом, в котором угадывались английские нотки. — Что тут происходит? Я тебя наняла не для того, чтобы...

Не успев договорить, она замерла. Глаза аристократки расширились от ужаса.

Кучер был мертв. Его тулуп, расстегнутый нараспашку, пропитался кровью. Горло было перерезано одним точным ударом — хлынувшая кровь уже застыла черной коркой на груди и облучке. Девушка прикрыла рот руками, сдерживая крик.

Позади послышались тяжелые шаги.

— А вот и та самая, английская графиня, — раздался насмешливый голос.

Она резко обернулась. Из-за деревьев выступили трое.

Первый, явно старший, шел впереди. На вид ему было лет сорок — коренастый, широкоплечий, с обветренным лицом, на котором выделялся глубокий шрам, пересекающий левую бровь. Левый глаз закрывала черная кожаная повязка — след давней раны, возможно, сабельной. Одет он был в потертый армяк из грубого серого сукна, подпоясанный ремнем, за который были заткнуты два пистолета: один длинноствольный, кавалерийский, другой — короткий, удобный для скрытого ношения. На поясе болталась пороховница, а сбоку висел широкий нож в кожаных ножнах. Сапоги его были истоптаны, в грязи, но добротные, армейские — явно снятые с уби-

того солдата.

Второй был моложе, но лицо его представляло собой жуткое зрелище: оно было исполосовано шрамами — одни светлые, застарелые, другие розовые, недавние. Левую щеку пересекал глубокий рубец, отчего угол рта был постоянно приподнят в зловещей усмешке. Одет он был в драный полушубок, из-под которого виднелась грязная рубаха. В руках он держал палаш — прямой, длинный офицерский клинок, на рукояти которого еще угадывались остатки позолоты. "Трофей", — мелькнуло в голове девушки. За поясом у него торчал кинжал с костяной рукоятью.

Третий был самым массивным и, судя по всему, самым тупым. Широкое лицо с мясистым носом и густыми усами, свисающими вниз, лоснилось от пота. Он был одет в рваный зипун, перетянутый веревкой, и лапти — странный контраст с остальными. Но главным был его инструмент: в руках он держал огромный плотницкий топор на длинном топорнице. Лезвие тускло поблескивало, на обухе виднелись зазубрины. Он повел усами, после чего смачно харкнул себе под ноги, едва не попав на подол графини.

— Ну как? — продолжил старший, поигрывая пистолетом. — Много ль золота везешь? Не пустая же ты путешествуешь, графиня.

— Как вы смеете?! — голос девушки дрогнул, но она заставила себя говорить твердо, медленно пятясь назад. — Бестактные свиньи! Вы хоть понимаете, кто я?

— Хех, — оскалился третий, с топором, его голос был низким, прокуренным. — Думаешь, если твое тело спит на шелке, то других за людей считать не нужно?!

Он рывкнул последние слова и с размаху вогнал топор в дверцу кареты. Дерево жалобно хрустнуло, лезвие вошло глубоко, застряв в обшивке. Бандит дернул, пытаясь вытащить оружие, и карета качнулась.

Старший, тот, что с повязкой, не спеша достал из-за пояса короткоствольный пистолет — удобный для стрельбы в упор, с раструбом на конце, чтобы картечь была шире. Он взвел курок, и щелчок прозвучал в тишине леса как приговор.

— Думаю, твоя смерть не особо будет заметна, — усмехнулся он. — Не зря же ты покинула Англию. А мы, в свою очередь, не хило обогатимся твоими припасами. Не пустая же ты путешествуешь.

Девушка вжалась спиной в карету. Рука бандита с пистолетом была направлена прямо ей в грудь. Она закрыла глаза...

— Вот же...

Где-то сверху, с крыши кареты, раздался галантный, чуть насмешливый голос. Бандиты разом подняли головы.

На карете стоял человек, одетый во все черное. Легкий ветер слегка покачивал полы его длинного плаща, открывая на миг стройный силуэт. Лица не разглядеть — только блеск глаз из-под глубокого капюшона.

— А это еще что за принцесса? — осклабился усатый бандит с топором, все еще торчащим из дверцы кареты.

Старший, тот что с повязкой на глазу, не тратя времени на слова, резко вскинул пистолет и выстрелил в стоящего на карете. Грохот разорвал лесную тишину, вспугнув птиц с ближайших сосен.

Прошло несколько секунд. Бандиты растерянно за озирались. На крыше кареты никого не было. Пусто. Лишь пороховой дым медленно таял в холодном воздухе.

Девушка, все еще вжавшаяся в карету, зажала уши руками, оглушенная выстрелом. Таинственный незнакомец исчез, и она прекрасно понимала: другого шанса может не быть. Рванув прочь от кареты, она побежала в лес, путаясь в длинном подоле платья.

— А ну стой! — рявкнул самый молодой из бандитов и тут же бросился следом.

Позади прогремел еще один выстрел, но бандит даже не обернулся. Охотничий инстинкт вел его вперед. Добыча ускользала — и это лишь раззадоривало. Он бежал за аристократкой, с наслаждением чувствуя азарт погони.

Деревья, кочки, корни, кустарники — все было против нее. Тяжелое платье цеплялось за каждую ветку, замедляя бег. Вот уже лесная чаща стала гуще, и вдруг тяжелая рука ухватила девушку за полушубок и с силой швырнула в сторону.

Она упала, больно ударившись головой о ствол огромного

деревя. В глазах потемнело, а когда мир снова обрел очертания, девушка почувствовала, как по лбу течет что-то теплое. Алая струйка крови закапала на слегка подмерзшую землю. Она машинально вытерла лоб рукой и подняла глаза.

Перед ней стоял бандит. Довольный, тяжело дышащий, с хищной ухмылкой на исполосованном шрамами лице. Он не спеша достал из-за пояса нож — широкий, с костяной рукоятью, тускло блеснувший в сумерках.

Три шага. Два.

— Ну что, молиться будешь? Или сразу на тот свет?

Девушка перевела взгляд на свою руку, испачканную кровью. Удар головой вызвал легкое сотрясение — в глазах двоилось, мысли путались. Но странное дело — она не чувствовала страха. Только злость.

Она усмехнулась. Криво, дерзко, глядя бандиту прямо в глаза.

— Что? Думаешь, убив меня, богатым станешь? — голос ее дрожал, но в нем звучала такая ненависть, что бандит на миг опешил. — Ты как был грязной подзаборной сучкой, так ею и сдохнешь!

— Ах ты ж дрянь! — рявкнул он, замахиваясь ножом.

Лезвие сверкнуло в воздухе и замерло буквально в сантиметре от ее горла.

Однако удара не последовало.

Бандит замер. Глаза его расширились, стали стеклянными. Из рта хлынула кровь, заливая подбородок и грудь. Он

всхлипнул, попытался вздохнуть — и рухнул лицом вперед, у самой ноги девушки.

За его спиной стоял тот самый человек, в черном плаще.

— Мерзавец, — выдохнула девушка, глядя на тело у своих ног. Потом перевела взгляд на Лукана. — Вы опоздали. Я уже и сама почти справилась.

Лукан удивленно приподнял бровь. Эта реакция явно не входила в его планы.

— Простите?

— Я бы его убила, — упрямо повторила она, пытаясь отряхнуть испачканный кровью полушубок. Говорила с вызовом, хотя в глазах еще плескался недавний ужас. — Еще секунда — и я бы достала свой кинжал. Просто выжидала момент.

— И что бы вы сделали? — в голосе Лукана прорезался живой интерес. — Ловко перерезали бы ему горло? Укусили?

Девушка вспыхнула, но промолчала. Лукан хмыкнул.

— Вы необычная графиня, — заметил он. — Обычно мои... клиенты падают в обморок или начинают истерично благодарить.

— Я не собираюсь вас благодарить, — отрезала она, с трудом поднимаясь на ноги. Лукан не предложил помощи — проверял. Девушка справилась сама, опершись о ствол дерева. — Вы убили человека. Пусть он и был мерзавцем, но... это не повод для радости.

— Убил, — согласился Лукан. — Чтобы спасти вас. Не хотите благодарить — не надо. Но позвольте хотя бы проводить вас до безопасного места? Если, конечно, вы не предпочитаете продолжить свое путешествие самостоятельно.

Девушка посмотрела на лес, на труп, на свои дрожащие руки.

— Проводите, — наконец выдохнула она. — Но если вы хоть пальцем...

— Ни в коем случае, — перебил Лукан с легким поклоном. — Честь имею, мадемуазель. Кстати, как ваше имя?

— Виктория, — помедлив, ответила она. — Графиня Виктория Астон.

— Красивое имя, — кивнул Лукан. — Что ж, Виктория, пойдете. У вас, кажется, было поместье неподалеку?

Карета была вся забрызгана кровью, однако трупов бандитов нигде не наблюдалось. Лукан открыл дверцу, и Виктория поспешно забралась внутрь. Затем он без особых усилий сбросил тело мертвого кучера на дорогу — словно мешок с картошкой — и с той же легкостью занял его место. Карета тронулась.

Солнце уже скрылось за горизонтом. Лукан придержал коней прямо у ворот, ведущих во

внутренний двор старого поместья. Поместье находилось вдали от людей, в окружении густого леса. Однако оценить ни величие самого строения, ни красоту окружающей природы из-за наступившей темноты не представлялось возмож-

НЫМ.

— Вас никто не встречает? — удивленно спросил Лукан.

— Нет, — сухо ответила Виктория. — Спасибо, что сопроводили меня.

— И это все?

— А что еще?

— Я вижу, у вас проблемы так и бьют ключом. — Лукан наконец спрыгнул на землю, освобождая место для кучера, которого больше не существовало. — И я могу помочь вам их разрешить.

— Я не нуждаюсь в ваших услугах.

— Пф-ф, а я думаю совсем иначе. — Лукан не отступал.

— Вы за все время даже не поинтересовались, кто я?!

— Мне все равно. — Девушка взмахнула рукой, демонстрируя полное безразличие, и направилась к воротам.

Однако, едва ее пальцы коснулись холодной металлической ручки, внезапный страх сковал тело. Что-то темное, древнее, от чего она бежала всю жизнь, снова оказалось рядом. Она замерла.

— Ладно, — выдохнула Виктория, не оборачиваясь.

— Что? Не расслышал. — Лукан стоял у кареты, лениво опершись о нее спиной, и рассматривал свои руки, скрытые перчатками из тончайшей черной кожи. В темноте поблескивали перстни на пальцах.

— Как ваше имя? — Виктория резко обернулась. Взгляд ее был холоден и высокомерен, но в глубине глаз таился

страх, который она отчаянно пыталась скрыть.

— Мое имя Лукан. Лукан Теневин. — Он наконец оторвался от созерцания собственных рук, оттолкнулся от кареты и бесшумно приблизился к графине. Ближе, чем позволяли приличия. Ближе, чем было безопасно.

— Прекрасно. Тогда я хочу, чтобы вы стали моей правой рукой. У меня в этой стране нет никого.

— Как я полагаю, и в Англии тоже.

Острый взгляд девушки, который мгновение назад смотрел сквозь Лукана, сфокусировался на его глазах.

— Именно. — Голос Виктории дрогнул, но она взяла себя в руки. — Я вынуждена была уехать. Теперь я графиня, которая начинает строить свое имя с нуля.

— Вы ведь понимаете, что я возьму за свои услуги дорогую плату?

Лукан стоял так близко, что его холодное, пронизывающее дыхание, казалось, добиралось до самых костей молодой графини. Она не отшатнулась. Только сглотнула.

— Я догадалась, кто вы. — Виктория говорила тихо, но твердо. — Вы не человек. Я однажды встречала подобных вам... давно... очень давно. — Она замолчала, и в глазах ее мелькнула тень далекого прошлого. — Видимо, такова моя судьба.

На лице Лукана расцвела самодовольная ухмылка. Эта женщина начинала ему нравиться все больше.

— И каково же ваше решение, графиня?

— Лукан Теневин, — Виктория вскинула подбородок, глядя демону прямо в глаза, — будь моей правой рукой до тех пор, пока я не верну свое доброе имя. До тех пор, пока я не отомщу всем своим врагам! — Она перешла на «ты», и это прозвучало как вызов. — И никогда не обманывай меня. Никогда не предавай! Защищай и оберегай меня!

— Прекрасно... — Лукан слегка склонил голову, принимая условия. — Я исполню все ваши желания. Стану вашей тенью. Буду рядом с вами до самого конца. А платой... — Он сделал паузу, смакуя слова. — Возьму вашу очаровательную душу.

Виктория ничего не ответила. Лишь отвернулась и шагнула к воротам.

Тяжелые, кованые створки, украшенные затейливым узором из переплетенных линий, с легким скрипом распахнулись сами собой, словно признавая в ней хозяйку.

Внутренний двор старого поместья встретил их теплым светом масляных фонарей, развешанных на чугунных кронштейнах вдоль каменной кладки широкой дороги. Огни плясали, отбрасывая причудливые тени на фасад поместья.

Поместье было построено из тяжелого серого камня — добротного, основательного, как и полагалось в этих краях. Большие окна с частым переплетом (в стиле петровского барокко) поблескивали стеклами, за которыми угадывались плотно задернутые шторы. На первом этаже, ближе к саду, красовалась широкая лоджия с каменными столбами-колон-

нами — точная копия такой же на втором этаже. Крыша, высокая и черная, крытая голландской черепицей, взмывала вверх, завершаясь двумя острыми шпилями по бокам и изящным флюгером в центре. Справа от главного входа темнел низкий флигель для прислуги, а слева угадывались очертания конюшни и каретного сарая.

— Недурно, — оценил Лукан, оглядывая владения новой... хозяйки? Жертвы?

Виктория молча направилась к парадному входу. Лукан последовал за ней, и тени, пляшущие от фонарей, на миг показались живыми, провожая их внутрь.

Едва Виктория подошла к двери, ведущей в поместье, Лукан, словно тень, оказался впереди графини и тотчас распахнул перед ней тяжелую дубовую створку.

— Вам... вернее, тебе следовало бы быть осторожнее. — Виктория сделала замечание, проходя внутрь. — Если люди заметят, сразу поймут, что ты не человек.

— На данный момент тут нет никого, кроме нас. — Лукан слегка склонил голову, принимая упрек. — Однако вы правы. Впредь я буду осторожнее.

Графиня вошла в поместье, и широкий темный зал тотчас залился ярким, теплым светом.

Огни зажглись словно по мановению руки — масляные светильники, закрепленные на стенах в медных бра, вспыхнули один за другим, а вслед за ними ожила и огромная люстра под потолком. Тяжелая, кованая, она опускалась на

толстой цепи, и на ее многочисленных рожках плясали десятки живых огоньков, отбрасывая причудливые тени на стены и пол.

Зал оказался просторным, выдержанным в европейском стиле, но с той особой русской основательностью, что чувствовалась в каждой детали. Пол был выложен дубовым паркетом — темным, благородным, натертым до такого блеска, что в нем отражались огни свечей. Вдоль стен, обитых темно-зеленым штофом, выстроились высокие дубовые панели с искусной резьбой. Между ними, в золоченых рамах, висели картины — в основном парадные портреты строгих мужчин в париках и дам с высокими прическами, явно кисти голландских или немецких мастеров.

В центре зала, на массивных цепях, и висела та самая люстра — настоящее произведение искусства: кованое железо, позолота, хрустальные подвески, что дробили свет на тысячи мелких «зайчиков».

Справа от входа виднелся огромный камин из белого итальянского мрамора с колоннами по бокам и лепным фризом, изображающим сцены охоты. В камине уже был сложен сухой березовый хворост.

Перед камином расположилась удобная группа мебели в стиле "регентства" — мягкие кресла с высокой спинкой, обитые венским штофом, круглый столик на изогнутых ножках с мраморной столешницей, небольшой диванчик для двоих. На столике — канделябры с оплывшими свечами и

серебряная табакерка, забытая кем-то из прежних хозяев.

Левая стена была почти полностью скрыта книжными шкапами из красного дерева с застекленными дверцами. За стеклами теснились корешки в коже и пергаменте — солидная библиотека, достойная аристократки.

В центре зала красовалась широкая лестница, ведущая на второй этаж.

Потолок же был высоким, кессонированным, с лепниной по углам и росписью в центре — голубое небо с пухлыми амурами, какие были в моде при Петре, подражавшем Версалию.

— Неплохо, — Виктория окинула зал быстрым хозяйским взглядом, отмечая каждую деталь. — Очень даже неплохо. Мебель придется менять, этот стиль уже устарел, но на первое время сойдет.

Она сбросила полущубок на руки Лукану (тот принял его с легким поклоном) и направилась к камину, протягивая руки к еще не зажженному огню.

— Разожжешь? — спросила она, не оборачиваясь. — Или тебе, как демону, это сделать проще, чем простым смертным?

Лукан усмехнулся, щелкнул пальцами, и хворост в камине весело затрещал, озаряя зал живым, пляшущим светом.

— Привыкайте, графиня, — тихо сказал он. — Теперь я ваша правая рука. А правая рука должна быть полезной.

Глава 3 Утренние хлопоты

Лукан раздвинул тяжелые занавески, и поток света хлынул в спальню, безжалостно атакуя сонное лицо графини.

— Что за наглость?! — Виктория зажмурилась, прикрываясь рукой. Растрепанные волосы цвета темного шоколада рассыпались по подушкам, делая ее похожей на разгневанную львицу. — Кто позволил тебе входить без стука?

— В Англии, быть может, и принято нежиться в постели до полудня, — Лукан даже не обернулся, продолжая смотреть в окно, — но в России день начинается раньше. Особенно у тех, кто собирается строить империю.

— Я еще даже не решила, что я буду здесь строить. — Виктория рухнула обратно на подушки, прячась от света. Темно-карие глаза смотрели в потолок, но мысли ее были далеко.

— Решать будете позже, — голос демона звучал мягко, но настойчиво. — Сначала — завтрак и приличный вид. А потом я изложу вам несколько деловых предложений. Весьма... прибыльных.

— Деловых? — Виктория приподнялась на локте, вглядываясь в его силуэт на фоне окна.

— Именно. Я не привык сидеть сложа руки, графиня. И вам не советую.

В глазах Лукана мелькнуло что-то хищное, но Виктория

лишь усмехнулась в ответ.

— Хорошо. Выйди. Я оденусь.

Виктория спустилась ровно через час — безупречная, как будто и не валялась недавно в постели с растрепанными волосами. Темное шелковое платье английского покроя, волосы уложены в легкую, но в то же время строгую прическу, на шее — скромная, но дорогая камея. Она вошла в столовую, где Лукан уже успел распорядиться насчет завтрака.

На столе дымился кофейник, стояли тарелки с круассанами (откуда в Петербурге круассаны? — мелькнула мысль, но Виктория решила не спрашивать), и тонко нарезанный сыр.

— Вы умеете сервировать стол, — заметила она, усаживаясь во главе стола.

— Я многое умею, графиня. — Лукан занял место справа от нее, но не притронулся к еде. Только налил себе кофе. Черный, без сахара.

Виктория отпила кофе, оценила и отставила чашку.

— И так. Ты хотел поговорить о документах.

— Именно. — Лукан пододвинул к ней тонкую кожаную папку. — Я просмотрел бумаги, которые вы привезли. Ваш паспорт, подписанный английским послом в Копенгагене, в полном порядке. Виза, выданная русским посольством в Лондоне — тоже. — Он сделал паузу. — Вы предусмотрительны, графиня.

— Я англичанка, — пожала она плечами. — Мы умеем планировать.

— Однако есть одна деталь. — Лукан выдержал паузу. — Все эти документы — на графиню Викторию Астон. А вот кто я — нигде не записано.

Виктория подняла бровь.

— Ты хочешь, чтобы я тебя... узаконила?

— Именно. — Лукан откинулся на спинку стула. — В Петербурге 1721 года без бумажки ты — никто. Даже если ты демон. Пули, конечно, меня не возьмут, но неприятностей с властями может быть масса. А вам, графиня, нужна репутация.

Виктория задумчиво постучала пальцем по столу.

— И что ты предлагаешь?

— Варианта два, — Лукан загнул палец. — Первый: я становлюсь вашим управляющим или, как вы привыкли говорить в Англии, дворецким. Нанимать иностранцев — обычное дело для русской знати. Немцы, голландцы, французы... Почему бы не появиться и англичанину?

— Ты говоришь без акцента, — заметила Виктория.

— Я говорю на всех языках, — усмехнулся Лукан. — Это не проблема.

— Вторым вариантом?

— Вашим телохранителем. — Лукан улыбнулся, но в глазах мелькнуло что-то хищное. — Русские любят экзотику. Личный охранник-англичанин с безупречными манерами и умением стрелять... Это произведет впечатление.

— И то и другое требует бумаг, — Виктория покачала го-

ловой. — Я не могу просто объявить: «Это мой дворецкий». Нужны документы, подписи, печати. В чужой стране, где меня никто не знает.

— А вот здесь, — Лукан пододвинул ей еще один лист, — я позволил себе небольшую вольность. Это рекомендательное письмо от вашего вымышленного дяди, который якобы служил в России при Петре и знает нужных людей. С подписью, печатью и даже историей, которую можно рассказать.

Виктория взяла лист, пробежала глазами и тихо рассмеялась.

— Ты подделал документы? За одну ночь?

— Я многое умею, графиня, — повторил Лукан. — И, поверьте, эта бумага пройдет любую проверку. Я старался.

— Но нам все равно нужен кто-то из местных, кто подтвердит, что ты — это ты.

— Это уже ваша задача, — Лукан развел руками. — Вы графиня. Найдите нужного человека. Подкупите, очаруйте, пригрозите — выбор за вами. Я лишь правая рука. Я исполняю.

Виктория посмотрела на него долгим взглядом.

— Ты хитер, Лукан Теневин.

— Я демон, графиня. Это моя работа.

Она усмехнулась и отпила кофе.

— Хорошо. Я подумаю. А пока рассказывай про свои бизнес-идеи.

Лукан отпил кофе, наслаждаясь паузой. Виктория терпе-

ливо ждала, но в глазах уже загоралось нетерпение.

— И так, — начал он, ставя чашку на блюде. — Предлагаю рассмотреть такой вариант как кондитерское производство.

— Конфеты? — Виктория удивленно приподняла бровь. — Ты предлагаешь графине торговать сладостями?

— Я предлагаю графине монополию, — поправил Лукан. — В России очень любят сладкое. Но то, что здесь продают — грубые пряники, леденцы, варенье, мед. А вы привезете из Европы настоящий шоколад, марципан, нугу. То, что едят при дворе французского короля.

— Шоколад дорог. Очень дорог. — задумчиво протянула Виктория.

— Именно, — кивнул Лукан. — Дорогой товар для богатых покупателей. Петербургская знать умирает от скуки и желания утереть нос Москве. Если у них будет возможность пить утренний шоколад, как в Вене, и есть конфеты, как в Париже — они выстроятся в очередь.

— Но для этого нужны мастера. Шоколатье. Кондитеры. — У меня есть связи, — Лукан улыбнулся уголками губ. — В Европе. Я могу привезти кого угодно. Французов, итальянцев, швейцарцев. А вы, графиня, будете лицом компании. Английский вкус, европейское качество, русский размах.

Виктория покрутила в пальцах пустую чашку.

— И сколько это принесет?

— Через год — состояние. Через три — вы будете кормить конфетами половину петербургского двора. А влияние, как известно, начинается с малого.

— С конфет, — усмехнулась Виктория.

— С конфет, — подтвердил Лукан. — Сладких, дорогих, недоступных простым смертным. Идеальный товар для империи.

— Что ж... мне нравится эта идея, Лукан.

— И?

— Откроем фабрику по производству конфет. Компания Астон прославится на всю Россию в самые короткие сроки.

— Прекрасно. — Лукан хищно улыбнулся и встал из-за стола. — Вы пока можете наслаждаться все еще теплыми круассанами. А я, с вашего позволения, представлю тех, кто уже поступил к вам на службу.

Он несколько раз хлопнул в ладоши. Дверь в столовую отворилась, и вошли двое.

Первой — невысокая женщина лет тридцати в скромном сером платье и белоснежном переднике. Темные волосы убраны под чепец, руки сложены перед собой, взгляд опущен в пол — само воплощение скромности и усердия.

За ней — долговязый юноша с копной ярко-рыжих волос, которые не в силах был пригладить никакой чепец. Он то и дело косился по сторонам, с трудом сдерживая любопытство, но старался держаться смиренно, как учили.

— Горничная Мария, — Лукан указал на женщину. — Ро-

дом из Тверской губернии. Ранее работала в доме князя Гагарина, имеет отличные рекомендации. Отвечает за чистоту, порядок и ваши гардеробные.

Мария присела в глубоком реверансе, не поднимая глаз.

— Садовник Алексей, — Лукан кивнул на юношу. — Сирота, но рукастый. Учился у немецкого садовника в Летнем саду. Разбирается в цветах, кустарниках и, — Лукан сделал паузу, — уверяет, что вырастит вам прекрасные розы даже в петербургском климате.

Алексей поклонился, но не удержался и бросил быстрый любопытный взгляд на графиню. Виктория едва заметно улыбнулась.

— Вскоре я планирую найти вам хорошего шеф-повара, — добавил Лукан. — Пока готовлю сам. Но, смею надеяться, вы не жалуетесь?

— Круассаны превосходны, — кивнула Виктория. — Замечательно. Мария, Алексей, можете быть свободны. Лукан, задержись.

Слуги поклонились и бесшумно исчезли. Когда дверь закрылась, Виктория повернулась к Лукану.

— Откуда ты их взял? И как узнал, что они не связаны с моими врагами?

— Я демон, графиня. — Лукан пожал плечами. — Я чую ложь так же остро, как вы — запах свежего кофе. Мария чиста, как ее передник. А Алексей... у него есть одна особенность, которая нам может пригодиться.

— Какая же?

— Он не боится темноты. Совсем. Я проверял.

Виктория усмехнулась.

— Ищешь себе помощников?

Лукан ничего не ответил, лишь улыбнулся и сделал легкий поклон.

— А теперь позвольте откланяться. Мне следует отправиться в Европу на поиски хороших кондитеров.

— Надеюсь, это не займет много времени. Мне еще нужна фабрика для производства шоколада.

— С этим я тоже скоро разберусь. Дайте мне время до заката.

— Прекрасно. Время пошло.

В столовой пробежал легкий сквознячок. Лукан исчез, словно его и не было.

Виктория съела еще один наивкуснейший круассан и вернулась в свои покои. Она открыла окно, чтобы проветрить комнату, а после подошла к зеркалу, что красовалось рядом с массивным комодом. Овальное зеркало в золоченой раме висело на стене и отражало графиню во весь рост.

Однако в отражении кое-что привлекло ее внимание — то, что в спешке при утренних сборах она не заметила. Что-то, что пыталось выглянуть из глубокого декольте.

— Это еще что? — Графиня приспустила край платья, и ее глаза округлились.

Увиденное ее крайне удивило. Но не было ни шока, ни

испуга. Лишь мгновенное удивление, которое тут же перелилось в злость. Глаза графини потемнели.

На правой груди, черным цветом, виднелся небольшой знак. Пентаграмма. Перевернутая пятиконечная звезда. Знак, обозначающий сделку с демоном. Та самая печать, о которой никто не должен был знать.

— Теперь придется носить более закрытые наряды, — проворчала графиня.

Солнце уже клонилось к закату, когда в спальне вновь повеяло холодом. Виктория даже не обернулась — она сидела у зеркала в темно-синем закрытом платье с высоким воротником и расчесывала волосы.

— Я нашел троих, — раздался голос за спиной. — Француз, итальянец и швейцарец. Будут здесь через неделю.

— Замечательно.

Лукан шагнул ближе и замер, заметив, что графиня даже не смотрит на него.

— Что-то случилось? Я совершил какую-то оплошность?

Виктория медленно повернулась. В глазах ее плясали темные огни.

— Ты ничего не хочешь мне рассказать, Лукан?

Он склонил голову, изучая ее лицо. Потом улыбнулся — все с той же хищной грацией.

— А вы хотите спросить о чем-то конкретном, графиня?

Она резко встала, подошла к нему вплотную и, схватив

его руку, приложила к своей груди — туда, где под тканью скрывалась метка.

— Это!

Лукан не отдернул руку. Наоборот — на мгновение прикрыл глаза, словно смакуя прикосновение.

— Красиво, — сказал он. — Вам идет.

— Ты поставил на мне метку?! — голос Виктории звенел от гнева. — Да еще и на таком месте?!

— Это не метка, графиня. Это печать договора. — Лукан говорил спокойно, будто обсуждал погоду. — Вы просили меня стать вашей правой рукой. Вы согласились с моими условиями. Печать — подтверждение.

— Но не тут же! Ее могут увидеть!

— Так скрывайте ее. Или у вас есть планы — растить наследников?

— Боишься, что наш контракт затянется?

— Ничуть! Мне некуда спешить. Более того... тут хоть какое-то разнообразие. Старая работа мне изрядно наскучила. А здесь, в мире людей... столько интриг, столько крови, столько душ.

— Пф, отвратительно. Ведешь себя словно дикое животное.

Виктория демонстративно отвернулась от Лукана и вновь уставилась на свое отражение в зеркале.

— Графиня, позвольте напомнить... для вас я и впрямь дикое животное, хищник... однако я могу быть и ласковым

зверьком.

Лукан подошел сзади к Виктории, слегка наклонился и нежно провел рукой по ее шее, после чего с легкостью растегнул застежку ее воротника. Графиня резко поднялась, повернулась к демону и ударила его по щеке.

Глаза Лукана распахнулись.

— И больше никогда не смей ко мне прикасаться.

Лукан сделал шаг назад, после чего отвесил легкий поклон.

— Прошу прощения за совершенную мною дерзость. Больше этого не повторится.

В спальне повисла тишина. Виктория стояла, тяжело дыша, и смотрела на Лукана с таким выражением, словно прикидывала, каким именно тяжелым предметом его можно приложить.

Лукан выдержал взгляд. Спокойно. С достоинством. На щеке медленно проступал красноватый след — первый раз за сотни лет кто-то осмелился его ударить.

— Вы сильнее, чем кажется, графиня, — заметил он, чуть касаясь пальцами щеки.

— А ты наглее, чем я думала. — Виктория поправила воротник, застегивая пуговицы дрожащими руками. — Мы договорились? Ты — моя правая рука. Исполняешь приказы. Советуешь. Защищаешь. Но не трогаешь.

— Я понял.

— Свободен.

Лукан поклонился и направился к двери. Однако, у самого порога, он остановился.

— Графиня... вы правы. Я позволил себе лишнее. Но знаете... — Он обернулся, и в глазах его мелькнуло что-то странное. — За двести лет я ни разу не получал пощечины. Это освежает.

— Наглец! — рывкнула Виктория. Однако запустить первым попавшимся под руку предметом в Лукана она уже не смогла. Он вышел из комнаты.

Не прошло и пяти минут, как в дверь раздался стук, после чего в комнату осторожно вошла Мария.

— Госпожа, управляющий помещьем пригласил вас в столовую отужинать. — Девушка смотрела в пол, не осмеливаясь поднять глаз на свою госпожу.

— Наконец-то, умираю с голода.

Виктория в сопровождении горничной спустилась в столовую. Стол был накрыт с размахом, достойным королевского двора, но в сервировке чувствовалось странное смешение двух культур.

В центре стола красовалось огромное блюдо с запеченной дичью — глухарь, фаршированный яблоками и клюквой, истекающий соком и источающий аромат можжевельника. Рядом, на серебряном подносе, расположились аккуратные ломтики холодного ростбифа с кровью — истинно английское блюдо, которое Виктория не ожидала увидеть в России. Чуть поодаль стояли глубокие миски с солеными

огурцами и мочеными яблоками — русская экзотика, от которой веяло чем-то чужим, но любопытным.

Отдельного внимания заслуживали сыры: несколько видов — от нежного козьего до выдержанного чеддера, привезенного неизвестно откуда. Горячий хлеб в плетеной корзине источал пар, а рядом, в хрустальных вазах, темнела икра — черная и красная, разложенная горками. Салаты — русский винегрет и что-то напоминающее английский салат с яйцом и зеленью — дополняли картину. В серебряном ведерке, наполненном льдом, стояла бутылка французского шампанского, а рядом — графин с русской настойкой на бруснике.

Лукан отодвинул стул, и графиня села за стол. Горничная поспешила покинуть столовую, оставив наедине Лукана и Викторию.

— Когда успел приготовить ужин? Должно быть, весь вечер стоял у плиты? — язвительно спросила Виктория, окидывая взглядом стол.

Лукан лишь слегка усмехнулся. Издевки этой женщины, на удивление, казались ему приятной частью игры.

— Завтра утром, — начал он, — вы должны отправиться на фабрику.

— Уже? — Виктория удивленно отложила вилку с ножом. — Когда ты успел?

— Отчего же вы так удивлены, госпожа?

— Еще утром ты отправился в Европу...

— Не забываете, я не человек...

— Помню, — оборвала его Виктория. — Но фабрика? Это не шутки. Нужно здание, оборудование, разрешения...

— Здание я нашел. — Лукан налил ей шампанского в высокий бокал. — На Выборгской стороне. Бывший склад купца первой гильдии. Два этажа, подвалы для хранения, близко к Неве — удобно доставлять товар.

Виктория пригубила шампанское, задумчиво глядя на Лукана поверх бокала.

— А разрешения?

— С этим сложнее, — признал Лукан. — Но у меня есть пара идей. Завтра вы встретитесь с одним человеком. Немец, коммерции советник, зовут Карл Федорович Берг. Он давно хочет войти в высшее общество, но у него нет родословной. Зато есть связи в магистрате.

— Ты предлагаешь мне... подкупить его?

— Я предлагаю вам заключить взаимовыгодную сделку, — поправил Лукан. — Вы даете ему имя. Ваши обеды, ваше покровительство — и двери петербургских салонов откроются для него. А он дает вам разрешения, поставщиков и защиту от местных властей.

Виктория отрезала кусочек ростбифа, попробовала и одобрительно кивнула.

— Неплохо. Даже очень. Откуда мясо?

— Английский бычок, — невозмутимо ответил Лукан. — Привезли вчера для английского посла, но я перехватил.

— Ты украл мясо у посла?!

— Позаимствовал, — поправил демон. — Ему все равно много, а вы заслуживаете лучшего.

Виктория рассмеялась — впервые за день открыто и весело.

— Ты невозможен.

— Я демон, графиня. — Лукан наполнил свой бокал брусничной настойкой. — Кстати, о фабрике. Оборудование уже в пути. Из Голландии — медные чаны для варки, из Франции — формы для конфет, из Англии — упаковочная бумага с вашим будущим гербом.

— С моим гербом? — Виктория приподняла бровь.

— Заказал, — кивнул Лукан. — Вы же собираетесь строить империю, графиня. У империи должен быть герб.

Она долго смотрела на него, пытаясь понять, шутит он или говорит серьезно. Но лицо демона оставалось непроницаемым.

— И какой же герб ты заказал?

— Ликорис, — ответил Лукан. — Алый, на черном фоне.

Виктория замерла с бокалом в руке.

— Почему именно ликорис?

— Потому что это ваш цветок, графиня. — Лукан говорил тихо, но каждое слово падало в тишину, как камень в воду. — Он цветет на границе миров. Красивый. Яркий. Смертельный для тех, кто не знает его природу. Как вы.

В столовой повисла тишина. Свечи тихо потрескивали, отражаясь в хрустале. Виктория смотрела на Лукана, и в гла-

зах ее мешались гнев, удивление и что-то еще, чего она сама не могла назвать.

— Ты заказал герб без моего согласия? — наконец спросила она.

— Я заказал герб для женщины, которая станет легендой, — ответил Лукан. — Согласие — дело времени.

Виктория хотела возразить, но вместо этого отпила шампанское и отвела взгляд.

— Завтра я еду на фабрику, — сказала она после паузы. — Одна.

— Как скажете, графиня. — Лукан слегка склонил голову. — Но позвольте хотя бы карету подать.

— Позволяю.

Она снова взялась за вилку, но мысли ее были уже далеко. Герб. Фабрика. Немецкий советник. И этот демон, который за какие-то сутки успел перевернуть ее жизнь вверх дном.

— Знаешь, — начала Виктория после недолгой паузы, — мне нравится, как ты выполняешь свою работу. Но все же больше не принимай никаких решений без моего ведома.

— Я вас понял. — Лукан слегка поклонился, после чего отодвинул стул и вновь сел по правую руку от графини.

— А если зайдет прислуга? Что они скажут, когда увидят дворецкого, сидящего за одним столом с госпожой?

— Не волнуйтесь, сюда никто не войдет. Мария сейчас в прачечной, а Алексей чистит печь на кухне.

— Ты даже это можешь? Ну и слух у тебя.

— Сочту за комплимент. — Лукан слегка улыбнулся и сделал глоток брусничной настойки. — Удивительный вкус. Терпкий, с легкой горчинкой. Напоминает...

— Что? — Виктория подняла глаза.

— Вас, — просто ответил Лукан.

Она замерла с вилкой в руке, не зная, как реагировать на эту дерзость. Но почему-то внутри не вспыхнул гнев.

— Ты невозможен, — наконец выдохнула она.

— Я знаю, графиня. — Лукан снова улыбнулся, но на этот раз в улыбке не было хищности — только усталость.

Виктория отвернулась, сделав вид, что изучает узор на скатерти. Наглый демон был ей полезен. Очень полезен. А потому его компания за одним столом с ней ее совсем не смущала. Напротив, так она не чувствовала себя одинокой.

— Лукан, — тихо спросила она, не поднимая глаз, — а ты скучаешь по своему миру?

— По Дагсарону? — Он задумался. — Нет. Там... слишком много тьмы. Даже для меня.

— А здесь?

— Здесь есть вы, графиня. — Лукан говорил спокойно, без тени кокетства. — А вы — самый яркий свет, который я встречал за последние столетия.

Виктория подняла на него глаза. В них плескалось удивление.

— Решил подарить мне комплименты?

— Я лишь сказал правду, — поправил Лукан. — Мы же

договорились: я не вру.

Она фыркнула и снова уткнулась в тарелку.

— Ешь давай. Завтра рано вставать.

— Слушаюсь, графиня.

Наступила ночь. Виктория Астон наслаждалась крепким сном на мягчайшей постели и даже не подозревала, что во внутренний двор проникли посторонние.

Шестеро вооруженных мужчин по команде самого крепкого здоровяка разделились. Трое пошли в обход поместья, чтобы пробраться к заднему входу. Трое решили войти через парадную дверь.

Двор погрузился во тьму, небо затянули тучи. Порывы холодного ветра пробирали до костей. Осторожными шагами, оглядываясь по сторонам, трое мужчин подошли к парадной двери. Потянув ручку, убедились, что дверь заперта.

— Ломаем? — спросил сиплый голос. Лиц было почти не разглядеть в темноте.

— Ты бы папиросу-то вынул изо рта, а то заметит нас кто! — шепотом, но грозно рыкнул второй.

— Да кто ж нас заметит? Босс сказал, что она одна тут, — ответил сиплый.

— Одна, да еще парочка слуг, — подметил третий.

Позади мужчин раздался шелест листвы, затем легкий сквозняк пронесся между ними.

— Это еще что было?! — спросил сиплый, переходя с ше-

пота на громкий тон.

Ответа не последовало. Раздался хруст костей, и один из его сообщников тяжело рухнул на землю. Второй не успел среагировать — только всхлипнул, и теплая липкая жидкость окатила лицо сиплого. Горло было перерезано, и сообщник с конвульсиями повалился следом за первым.

Сиплый выхватил нож и замахал им перед собой, нанося удары невидимому врагу.

— Выходи, мразь! Я же на ремни тебя пушу! — закричал он дрожащим голосом.

Очередной сквозняк — и за его спиной раздался шипящий, но в то же время мурлыкающий голос:

— Ну не кричи же ты так, хозяйку разбудишь.

С этими словами появившийся из тени демон свернул шею сиплому, и тот с глухим стуком упал на землю к своим товарищам.

— Осталось еще трое... — протянул Лукан, оглядывая кровавую картину. — Ну вот, снова наводить порядок. Благо рядом с нами лес.

Оставшиеся трое наемников осторожно, стараясь не шуметь, обошли поместье. Пробираясь между сухих колючих кустарников, они почти дошли до задней двери. Эта дверь вела напрямиком на кухню, но путь лежал через темный сырой подвал.

Один из наемников махнул рукой, указывая остальным,

что до двери рукой подать и можно спокойно выдвигаться. Однако на знак никто не отреагировал — лишь слышались два тяжелых удара и хруст.

Обернувшись, он увидел, что его товарищи исчезли. Только темные силуэты неподвижно лежали на земле в нескольких шагах от него.

Сделав пару шагов назад, он стал озираться по сторонам, сжимая в руке нож.

— Что за диковина тут происходит?

— И не говори, — внезапно перед глазами наемника материализовался Лукан. — Диво дивное.

Резкий поворот рук — и глаза наемника запечатлели лишь кровавую улыбку демона. Хруст костей, свернутая шея — и бандит тяжело осел на землю.

— Вот и все. — Лукан отряхнул перчатки. — Осталось прибраться.

Он поднял голову к небу, втянул воздух, прислушиваясь к ночным звукам. Где-то вдалеке ухнула сова, ветер шелестел листвой, и ни одной посторонней души в округе.

— Мария, — негромко позвал Лукан, даже не повышая голоса.

Через минуту горничная, заспанная, в накинутом на плечи платке, выбежала во двор. Увидев шесть трупов, она побледнела, но не закричала — только прижала руку ко рту.

— Мария, — Лукан говорил спокойно, будто речь шла о том, что подать к завтраку, — принеси несколько старых

простыней и скажи Алексею, чтобы приготовил тачку. И ни звука графине. Она должна выспаться перед важным днем.

— Д-да, господин, — пролепетала Мария и исчезла в доме.

Лукан посмотрел на тела, потом на темный лес за оградой.

— Лес хорошо принимает тайны, — пробормотал он. — Особенно такие.

Глава 4 Фабрика

Утро началось примерно за полчаса до рассвета. Звук раздвигающихся тяжелых занавесок заставил Викторию открыть глаза. Лукан стоял у окна, после чего из фарфорового чайничка налил горячее молоко в такую же фарфоровую кружечку и аккуратно поставил на столик у кровати.

— Так рано? — сонным голосом протянула графиня. — И почему здесь ты, а не моя горничная?

— Вы меня стесняетесь?

— Ты мужчина, — Виктория приподнялась на подушках, кутаясь в одеяло, — демон. Если увидит прислуга, будут ненужные сплетни.

— Эту прислугу нанимал я. Не волнуйтесь, никто и слова не обронит против вас.

— Ладно. Тем не менее...

— Я ваша правая рука, — перебил графиню Лукан. — И если потребуется, я последую за вами даже в ванную комнату. Понравится вам это или нет. Я ваша тень и буду рядом до тех пор, пока... — он не договорил, остановившись на полуслове.

— Я тебя поняла. Можешь не продолжать.

— Славно. — Тон Лукана вновь стал мурлыкающим, удовлетворенным.

— Я не особо люблю горячее молоко. — Графиня сделала

глоток и поморщилась.

— Сейчас сезон холодов. А ваши смертные тела так хрупки. Вы должны беречься.

— Хех. Не нужно играть в заботливого дворецкого. Мне известна твоя истинная сущность. Каждому из нас наше сотрудничество приносит выгоду, и у каждого из нас есть своя цель.

— Вы правы, — согласился Лукан. — Поэтому мне очень важно ваше здоровье. Пожалуйста, пейте молоко и получайте от него удовольствие.

Виктория фыркнула, но послушно допила молоко. Лукан принял пустую чашку и подал ей платье — темно-синее, шерстяное, с высоким воротником, идеально скрывающее метку.

— Ваш выезд через час. Карета будет подана к парадному входу.

Ровно через час карета, запряженная парой гнедых лошадей, выехала из ворот поместья. Виктория сидела у окна, кутаясь в теплую накидку, и с любопытством вглядывалась в проплывающие мимо пейзажи.

Петербург встречал ее сырым утром. Дорога, вымощенная бревнами, вела от окраины к центру, и экипаж покачивало на каждом стыке. Справа тянулись деревянные домики ремесленников — низкие, с резными наличниками и покосившимися заборами. Кое-где уже курился дым из печных труб

— город просыпался.

Чем ближе к центру, тем заметнее менялась застройка. Появились двухэтажные каменные особняки в голландском вкусе — узкие, с высокими окнами и ступенчатыми фронтонами. По улицам сновали люди: мастера в холщовых рубахах, чиновники в немецких камзолах, крестьянки с корзинами, спешащие на рынок. Где-то заливался петух, где-то перекликались торговки.

Карета свернула на набережную, и Виктория ахнула. Нева открылась перед ней во всей своей суровой красе — широкая, серая, с холодной рябью, отражающей низкое небо. По воде скользили лодки и баржи, груженные тюками и бочками. На противоположном берегу возвышались стены Петропавловской крепости, еще не достроенной, но уже грозной, а правее виднелись мачты кораблей у Васильевского острова.

— Останови-ка на минутку, — велела Виктория кучеру, и тот придержал лошадей.

Она вышла из кареты, подошла к гранитному парапету и долго смотрела на реку. Ветер трепал полы ее накидки, но она не чувствовала холода. Перед ней лежал город, построенный на болотах, на костях, на крови — и все равно прекрасный в своей дерзости.

— Ваша светлость, простудитесь, — раздался голос кучера.

— Едем дальше, — кивнула Виктория, возвращаясь в карету.

Все это время в карете смиренно сидел Лукан и читал какую-то книгу. Как и было оговорено, он не ходил по пятам за графинею и не мешал ей своим присутствием. Фабрика располагалась на Выборгской стороне, в районе, где селились купцы и мастера. Это было массивное двухэтажное здание из красного кирпича, с широкими воротами для подвод и высокой трубой, из которой пока не валил дым, но скоро должен был. Рядом сустились рабочие — разгружали доски, таскали мешки, чинили забор.

Виктория вышла из кареты и направилась к входу. На встречу ей вышел приземистый мужичок в фартуке, с окладистой бородой и хитрым прищуром.

— С утром, барыня! — поклонился он. — Управитель здешний, Степан, по прозвищу Корж. Господин Лукан сказывал, что вы прибудете. Все готово, извольте посмотреть.

Он распахнул дверь, и Виктория вошла внутрь.

Внутри пахло деревом, известью и еще чем-то сладковатым — остатками прошлых грузов. Просторный зал первого этажа был разделен на две части: слева — складские помещения с тяжелыми дверями, справа — будущий цех, где уже стояли привезенные из Голландии медные чаны и длинные деревянные столы.

— Здесь будем варить, — Степан широким жестом обвел цех. — Там, — он указал на лестницу, ведущую на второй этаж, — сушильни и упаковочная. А в подвале — ледник, для хранения.

Виктория поднялась наверх. Окна здесь были большие, светлые, с видом на Неву. Она представила, как через месяц здесь будут сушиться конфеты, как девушки в белых передниках будут упаковывать их в коробки с гербом — алый ликорис на черном фоне.

— Хорошо, — кивнула она. — Степан, у тебя ведь есть люди?

— Так точно, барыня. Десяток работников уже нанял, как господин Лукан велел. Еще кондитеров ждем, из-за границы.

— Они будут на днях. Подготовь для них все необходимое.

— Все сделаем, ваша светлость.

Следующей задачей была необходимость посетить дом Карла Федоровича Берга, который находился на набережной Мойки, в двух шагах от Невского проспекта — престижное место для тех, кто недавно разбогател, но еще не успел получить дворянство. Особняк был выстроен в голландском вкусе: узкий, высокий, с лепниной на фасаде и фигурным фронтоном, на котором красовался вензель хозяина. Перед домом горели масляные фонари, отбрасывая пляшущие тени на мокрую брусчатку.

Карета остановилась у парадного подъезда. Лукан вышел первым и подал руку Виктории. Та поправила высокий воротник темно-синего платья, и с достоинством ступила на тротуар.

— Готов? — тихо спросила она, не глядя на демона.

— Я всегда готов, графиня. — Лукан поправил перчатки.

— Особенно к маленьким интригам.

Дверь распахнулась прежде, чем они успели постучать. На пороге стоял лакей в ливрее — высокий, бесстрастный, с лицом, не выражающим никаких эмоций.

— Графиня Астон и... — он запнулся, глядя на Лукана.

— Мой дворецкий, — холодно произнесла Виктория. —

Господин Берг ждет нас.

Лакей поклонился и пропустил их внутрь.

Особняк Берга был обставлен с кричащей роскошью. Золоченая лепнина, тяжелые штофные обои малинового цвета, канделябры с хрустальными подвесками — всего было слишком много, словно хозяин пытался показать всему миру свое богатство, но понятия не имел о вкусе.

В гостиной их встретил сам Берг. Он стоял у камина, заложив руки за спину, и при их появлении расплылся в широкой, масляной улыбке.

— Графиня! Какая честь! — Он шагнул навстречу, протягивая пухлые руки. — И вы приняли мое приглашение! Прошу, прошу, садитесь.

Виктория кивнула, но руки не подала. Села в предложенное кресло, Лукан остался стоять за ее спиной — идеальный дворецкий, тень, готовая в любой момент обернуться смер-

тью.

Берг покосился на него с легким недоумением.

— Ваш слуга... он будет стоять?

— Мой дворецкий, — поправила Виктория. — Он везде со мной.

— Как скажете, графиня. — Берг хлопнул в ладоши. — Вина! Лучшего!

Лакей бесшумно принес поднос с бокалами и графинем темно-рубинового напитка. Виктория сделала маленький глоток из вежливости, Лукан даже не притронулся к бокалу, который поставили и для него.

— Итак, — начал Берг, усаживаясь напротив и поглаживая брюшко, — наслышан о ваших планах, графиня. Конфетная фабрика! Смелое начинание. Очень смелое.

— Я не привыкла отступать перед трудностями, господин Берг.

— О, я и не сомневаюсь! Английская хватка, немецкое качество, русский размах — отличное сочетание. — Он сделал паузу. — Но знаете ли вы, сколько подводных камней в нашем Петербурге?

— Предполагаю, что немало. Именно поэтому я здесь. Лукан говорил, что вы можете помочь с... бюрократией.

Берг довольно улыбнулся, бросив быстрый взгляд на Лукана. Тот стоял неподвижно, с каменным лицом.

— Могу, графиня. У меня связи в магистрате, в таможене, даже в Сенате. — Он подался вперед. — Я мог бы стать ва-

шим... покровителем. За определенную долю, разумеется.

Виктория выдержала паузу, давая ему повиснуть в воздухе.

— Долю?

— Ну да. Скажем, тридцать процентов от прибыли в первый год, двадцать — в последующие. И я решу все ваши проблемы с документами, поставками, местными властями. Вы даже не заметите, как пойдет дело.

— Тридцать процентов, — медленно повторила Виктория. — За то, чтобы вы просто подписали несколько бумаг?

— О, графиня, вы недооцениваете сложность нашей бюрократии! — Берг рассмеялся, но глаза его оставались холодными. — Без меня вы увязнете в согласованиях на полгода. А с вашими конкурентами... — он сделал многозначительную паузу.

— Конкурентами? — Виктория приподняла бровь.

— Ну да. Торговый дом «Шустов и сыновья» тоже интересуется кондитерским делом. И у них связи в магистрате покруче моих. Если они узнают про вашу фабрику раньше, чем вы получите разрешения...

— Они узнали, — вдруг подал голос Лукан. — И уже пытались помешать.

Берг дернулся, но быстро взял себя в руки.

— Вот видите! — воскликнул он. — А с моей защитой...

— С вашей защитой, — перебил Лукан, — ночью к нам пришли шестеро вооруженных головорезов. Вы случайно не

знаете, откуда они могли взяться?

Повисла тишина. Берг побагровел.

— Что вы себе позволяете?! — вскочил он. — Какие головорезы?! Я честный коммерсант!

— Я не сказал, что вы имеете к ним отношение, господин Берг, — мягко произнес Лукан. — Я лишь спросил, не знаете ли вы. Это разные вещи.

Виктория едва заметно улыбнулась. Берг заметался взглядом по комнате, явно не зная, как реагировать.

— Графиня, — наконец выдавил он, — ваш слуга позволяет себе непозволительные намеки. Я требую извинений!

— Лукан не слуга, — спокойно ответила Виктория. — Он мой партнер. И его вопросы вполне уместны, учитывая обстоятельства.

— Какие обстоятельства?! Я ничего не знаю!

— Тогда тем более не о чем беспокоиться, — Виктория поднялась. — Благодарю за прием, господин Берг. Я подумаю над вашим предложением.

Она направилась к выходу, Лукан бесшумно последовал за ней. У самой двери он обернулся и бросил через плечо:

— Кстати, господин Берг. Передайте своим... знакомым, что в следующий раз я не буду таким милосердным. Им, наверное, будет интересно узнать, что случилось с их людьми.

Берг побелел.

— Я не понимаю, о чем вы...

— Конечно, не понимаете. — Лукан улыбнулся своей

хищной улыбкой. — Всего доброго.

Дверь за ними закрылась.

Карета тронулась. Виктория сидела, глядя в окно, и молчала. Лукан ждал.

— Этот свинопас этой ночью пытался совершить на меня покушение? Почему ты умолчал?

— Не было нужды вас беспокоить. Все прошло более чем тихо. Жаль только, что доказательств у нас нет...

— Их и не будет, если мы ничего не сделаем.

— Вы хотите что-то сделать?

Виктория повернулась к нему. В глазах ее горел холодный огонь.

— Я хочу, чтобы он заплатил. Но не сейчас. Сначала — фабрика. Пусть думает, что мы испугались и приняли его условия.

— Разумно, — кивнул Лукан. — А потом?

— А потом, — Виктория усмехнулась, — мы покажем ему, что значит связываться с английской графиней и ее... демоном.

— Мне нравится ход ваших мыслей, графиня. — Лукан слегка поклонился.

— Учусь у лучших, — парировала она.

Карета покатила по вечернему Петербургу, оставляя позади особняк и его хозяина, который, очнувшись от ступора, вдруг понял, что его любимая ваза разбилась вдребезги. Са-

ма собой. Или нет.

По прибытии в поместье Лукан отправился на кухню. Он еще пока не нашел подходящего повара, поэтому хозяйничать у плиты предстояло ему. Сменив перчатки и накинув передник, он облокотился на стол и задумался.

Едва слышно на кухню вошла Мария.

— О чем призадумались, господин Лукан? — тихонько спросила она, поправляя передник.

— Скажи мне, Мария, нет ли у тебя на примете хороших и, главное, надежных поваров? Смекаешь, о чем я?

— Ну не знаю... сложно... очень сложно...

— Ладно, не ломай голову. — Лукан взял в руки чугунную сковороду. — Что ж, приступим к приготовлению ужина. Мария, подготовь свежую зелень и сладкий перец.

— Слушаюсь! — Горничная вытянулась по стойке смирно, приложила руку к виску и тут же принялась за дело.

Виктория в это время принимала горячую ванну. Откинув голову назад, она пустым взглядом смотрела в потолок. Воспоминания о прошлом нахлынули так же неожиданно, как нападение на карету, а следом — и встреча с демоном.

В свои двадцать три года она пережила немало трудностей.

Она была не просто графиней. Виктория Астон принадлежала к одной из древнейших фамилий Англии — роду,

чья история уходила корнями во времена норманнского завоевания.

Астоны владели землями в Йоркшире и Девоншире, их предки сидели в Палате лордов еще при первых Плантагенетах, а при Тюдорах стали приближенными королевской семьи. Ее дед, герцог Нортумберлендский, был настолько близок к трону, что его мнение учитывалось при решении вопросов войны и мира. Ее бабка приходилась троюродной сестрой самой королеве Анне.

Виктория росла при дворе. С детства она знала, что такое власть, интриги и блеск золота. Ее учили лучшие наставники Европы: французский, итальянский, латынь, танцы, верховая езда, фехтование — она постигла все, что положено знатной девице, и даже больше. В шестнадцать лет она уже блистала на балах, вызывая зависть у ровесниц и интерес у мужчин вдвое старше.

Но за блеском скрывалась тьма.

Когда Виктории было девять, родители погибли на охоте. Несчастный случай — так сказали тогда. Стрела, пущенная якобы случайно, пробила горло отцу. Мать, бросившаяся к нему, получила удар кинжалом от «перепуганного» егеря. Наемники, нанятые так искусно, что даже следов не нашли. Виктория точно знала это, хотя доказательств не было. Она видела глаза убийц, когда те, уже уходя, обернулись на маленькую девочку, застывшую в ужасе. В их взглядах не было сожаления. Только расчет.

После смерти родителей дед забрал ее к себе. Герцог Нортумберлендский, старый лис, переживший трех королей, научил ее главному: в этом мире ты либо — охотник, либо добыча.

— Запомни, девочка, — говорил он, — нашу семью ненавидят, потому что боятся. А боятся, потому что у нас есть то, чего нет у других — кровь, право и память. Мы помним, кто мы. И этого достаточно, чтобы враги не спали спокойно.

В четырнадцать лет было новое покушение. Поместье деда под Лондоном подожгли среди ночи. Виктория проснулась от запаха дыма и успела вытащить из огня младшую кухню. Пожар удалось потушить, жертв не было, но старый герцог поседел еще сильнее.

— Они не успокоятся, пока не сотрут наш род с лица земли, — сказал он тогда.

В шестнадцать лет удар пришелся в самое сердце. Бабушка и дедушка были отравлены.

Медленно, мучительно, так, чтобы враги могли наслаждаться их агонией. Яд подмешали в вино на званом ужине. Умерли не сразу — через три дня, в страшных мучениях.

Виктория сидела у постели умирающего деда и смотрела, как угасает великий человек. В его глазах, уже затуманенных смертью, горела та же искра, что теперь жила в ней.

— Отомсти, — прошептал он перед последним вздохом. — Отомсти за нас. И помни: ты — Астон. А Астоны не проигрывают.

Она похоронила их рядом с родителями и поклялась найти убийц.

Виктория не была наивной. Она знала, кто мог желать смерти ее семье. Слишком многие завидовали влиянию Астонов. Слишком многие хотели занять их место при дворе. Слишком многие боялись, что старый герцог раскроет их темные дела.

Были прямые конкуренты — герцог Бекингем, чей род веками враждовал с Астонами. Были тайные враги — министры, желавшие прибрать к рукам земли Нортумберленда. Были и те, кто просто ненавидел саму идею древней аристократии, стоящей выше денег и чинов. Но главный враг оставался в тени. Тот, кто координировал нападения, кто платил наемникам, кто подсылал убийц. Виктория искала его годами, но каждый раз следы обрывались.

Остаться в Англии было смертельно опасно. У Виктории не было армии, не было союзников, которым можно доверять, и не было времени. Она собрала все, что могла — драгоценности, несколько ценных бумаг, фамильный кинжал — и бежала.

Россия стала ее убежищем. Здесь, в Петербурге, где только что родилась новая империя, она надеялась затеряться, накопить силы и когда-нибудь вернуться, чтобы закончить то, что начала.

Но судьба распорядилась иначе. Вместо тихой жизни в те-

ни она встретила демона, заключила сделку и теперь строила новую империю, готовясь к войне на два фронта.

Виктория открыла глаза и посмотрела на свое отражение в воде. Молодая, красивая, сильная. Слишком много пережившая для своих лет.

— Астоны не проигрывают, — прошептала она, касаясь пальцами метки на груди. — Даже если им приходится заключать сделки с демонами. Моя душа никогда не попадет в рай, однако до этого времени я устрою ад на земле всем своим врагам.

Она усмехнулась и с темными мыслями начала одеваться. Ужин с демоном обещал быть интересным.

Виктория надела скромное, но изысканное бордовое платье из тяжелого итальянского шелка — с высоким воротником, скрывающим метку, и длинными рукавами, сужающимися к запястьям. Лиф был отделан тонким серебряным шитьем в виде переплетенных листьев, а юбка, слегка расширенная на боках благодаря панье, ниспадала мягкими волнами до самого пола. В преддверии петербургской осени такой наряд был не только красивым, но и практичным — плотная ткань защищала от сырости, а глубокий бордовый цвет скрывал случайные пятна от свечного воска или дождя.

Волосы, еще слегка влажные после ванны, темными волнами спадали на плечи — Виктория не стала их укладывать,

позволив себе эту маленькую вольность в уединении собственного дома.

Она сидела за тяжелым дубовым столом в своем кабинете, что находился буквально через стенку от ее спальни, и разбирала письма. Свечи в серебряном канделябре тихо потрескивали, отбрасывая пляшущие тени на стены, обитые темно-зеленым штофом.

Дверь в кабинет едва слышно открылась. Вошел Лукан.

Как обычно, он был одет во все черное — безупречный камзол, белоснежная рубашка, тонкие белоснежные перчатки. Галантный и очаровательный до невозможности. Его светлая кожа казалась идеальной, словно фарфор, а взгляд — хитрым и таинственным. Лишь он один знал все тайны и секреты этого дома, и никто другой даже не мог догадываться о том, что таится в его душе.

Он подошел ближе к столу. Графиня почувствовала тонкий, едва уловимый запах мужского парфюма — что-то древесное, с нотками бергамота и дыма. Запах, который она уже начала узнавать.

— Пришел красоваться или пригласить на ужин? — не отрываясь от бумаг, начала Виктория.

Лукан на мгновение замер. Подобный прием показался ему неожиданным. Он никак не мог привыкнуть к ее равнодушию — ведь до встречи с этой женщиной им все были очарованы. Мужчины завидовали его элегантности, женщины теряли голову от одного взгляда. А эта графиня даже не

поднимала глаз.

— Разбираете письма? — спросил он, пытаясь вернуть контроль над ситуацией.

— Догадлив. — Вновь коротко ответила Виктория, так и не подняв взгляда.

Не выдержав такого пренебрежения, Лукан слегка наклонился и выхватил из рук графини очередной конверт.

— Вы меня нарочно игнорируете?

Виктория медленно подняла голову. Без единой капли гнева, но с холодной строгостью во взгляде она скрестила руки на груди и наконец посмотрела прямо в глаза демону.

— Что ты себе позволяешь?

Лукан выдержал паузу. В ее глазах не было страха. Не было восхищения. Только спокойная, уверенная сила, от которой у него самого внутри что-то странно дрогнуло.

— Прошу прощения, — слегка удовлетворенно ответил он, хотя в голосе не было и тени раскаяния.

— Не ты ли говорил, что являешься моей тенью?

— Говорил...

— Так отчего же бесишься, когда я не обращаю на тебя внимания?! — голос Виктории стал строже, но в уголках губ дрогнула едва заметная усмешка.

Лукан моргнул. Впервые за долгое время он не нашелся с ответом сразу. Эта женщина играла с ним, и делала это виртуозно.

— Вы правы. — Он слегка поклонился, признавая пора-

жение в этом раунде. — Прошу вас, госпожа. Следуйте к ужину, пока он не остыл.

— Замечательно, — удовлетворенно кивнула Виктория, поднимаясь из-за стола.

Виктория гордо и в то же время грациозно шла по коридору. Бордовый шелк платья мягко шуршал при каждом шаге. Позади нее следовал ее личный демон.

Она чувствовала его каждой клеткой своего тела.

Его взгляд — голодный, жадный, словно она была не просто женщиной, а редким лакомством, которое он отложил на десерт. Его холодное дыхание, казалось, касалось ее затылка, хотя он шел в нескольких шагах позади. В полумраке коридора его глаза горели синим пламенем — теми самыми глазами, что видели гибель империй и рождение миров.

Виктория знала, чем кончится их сделка. Знала, что однажды он придет за своей платой. Знала, что ее душа обречена.

Но это ее не пугало.

Потому что была месть. Мечь — единственное, что заставляло ее жить. Ради нее она готова была танцевать с демоном, играть с огнем и даже принять свою обреченность.

— Лукан, — бросила она через плечо, не оборачиваясь.

— Да, графиня?

— Ты сегодня особенно тихий. Уж не заболел ли?

Демон усмехнулся — тихо, почти неслышно, но она уловила этот звук.

— Я просто наслаждаюсь видом, графиня. Вы позволите?

— Ты и так смотришь, — парировала она. — Разве тебе нужно мое разрешение?

— Вы правы, госпожа. Я позволяю себе куда больше...

— Вот и я о том же. — Виктория остановилась. — Хотя, признаться, не удивлена. Ты — демон и живешь лишь инстинктами.

Лукан, словно соткавшись из тумана, бесшумно возник прямо перед ней.

— Инстинктами?

— Именно. Ты получаешь удовольствие от игры со смертными. Ты не чувствуешь ни боли, ни любви, ни страданий. Для тебя человеческая жизнь — ничто.

— А что же для вас, графиня, человеческая жизнь? Какую ценность она представляет?

Взгляд Лукана был пристальным, пронизывающим, однако Виктория устояла и не отвела глаз.

Повисла долгая, тягучая тишина. В полумраке коридора только свечи отражались в его зрачках, делая их похожими на два холодных синих огня.

— Пошли ужинать, — наконец произнесла она, первой нарушив молчание. — Я не люблю есть холодное.

Глава 5 Званный ужин

3 декабря 1721 года. Санкт-Петербург

Прошел месяц с небольшим, и фабрика графини Виктории Астон работала во всей своей красе. Герб с алым ликорисом на черном фоне стал узнаваем даже за пределами Петербурга — конфеты графини подавали в лучших домах столицы, а слухи о загадочной английской аристократке множилось быстрее, чем сплетни при дворе.

Виктория сидела в своем кабинете, перебирая огромную стопку писем — деловые предложения мешались с приглашениями на званые ужины, балы и рауты. Бордовое платье с высоким воротником сидело на ней безупречно, волосы были уложены в строгую прическу, лишь несколько локонов спадали на плечи.

— Как я погляжу, вы удовлетворены сими событиями? — с легкой иронией поинтересовался дворецкий.

Лукан держал в руках маленький светло-серый чайничек и наливал в фарфоровую кружку горячий чай с бергамотом. На нем был безупречный черный камзол, белоснежная рубашка и неизменные тонкие перчатки.

— Отчего же мне не быть довольной? — Виктория отложила очередное письмо. — Со всеми документами дела уладили. Фабрика процветает. Кондитеры работают отлично. Даже Берг пока не рыпается.

Лукан подал чай. Виктория убрала лишние бумаги в сторону, освобождая место на столе.

— Однако... — начал Лукан, выдержав короткую паузу.

— Продолжай.

— У нас появились некоторые проблемы.

Виктория сделала глоток горячего чая, затем отставила кружку с блюдцем в сторону.

— Я думала, что единственная наша проблема — это при-
бытие моей кухни в конце декабря, — сухо заметила она.

— Конец декабря, празднование наступления нового года в России. — Лукан поправил перчатку. — Более того, вы еще не ознакомились со всеми письмами. Там имеется для вас важное приглашение на Рождественские праздники.

Он выдержал паузу, наслаждаясь моментом.

— Романов Петр Алексеевич желает вас видеть шестого января.

Виктория замерла. Даже опытный демон не мог прочесть ее мыслей в этот момент.

— Государь? — переспросила она.

— Собственной персоной. Ваша фамилия уже всюду звучит на устах русских вельмож. А ведь прошло совсем мало времени.

Виктория задумчиво посмотрела на Лукана, затем на ее лице промелькнула едва заметная, самодовольная ухмылка.

— И все же ты хотел сообщить мне о каких-то проблемах?

— Именно. — Лукан достал из внутреннего кармана сло-

женный лист бумаги. — Я перехватил письмо. Я не сообщал вам раньше, но у нас возникли сложности с поставками сахара. А пару дней назад фабрику пытались поджечь.

Виктория резко выпрямилась.

— Поджечь?!

— Не волнуйтесь, мои люди справились. — Лукан говорил спокойно, но в глазах мелькнула тень. — Трое поджигателей сейчас... скажем так, удобряют почву для будущих роз Алексея.

— Продолжай.

— Во всем этом замешан Карл Федорович Берг. Более того, он весьма завистливый человек. Торговый дом «Шустов и сыновья»... он очень сдружился с господином Шустовым.

— Однако они более не могут быть моими конкурентами, — подметила Виктория. — Наша продукция на голову выше их поделок.

— Берг — скользкий человек. — Лукан положил письмо на стол. — Он отправил послание Шустову, в котором указал о планах поднять свою долю с вашей прибыли до сорока пяти процентов. В обмен на «защиту» от конкурентов и прочих неприятностей.

Виктория взяла письмо, пробежала глазами и усмехнулась.

— Жалкая, потная свинья... — Она отбросила лист. — Полагаю, нам нужно пойти на опережение и назначить ему встречу раньше, чем это сделает он.

— Когда планируете?

— В эту субботу.

— Прекрасно. — Лукан слегка поклонился. — Я подготовлю все необходимое.

Виктория посмотрела на него долгим взглядом.

— Ты что-то задумал.

— Я? — Демон изобразил удивление. — Графиня, я лишь ваша правая рука. Я исполняю.

— Вот именно. Исполняешь. Но иногда мне кажется, что ты исполняешь не мои приказы, а свои собственные.

Лукан ничего не ответил. Только улыбнулся той самой улыбкой, от которой у Виктории каждый раз мурашки бежали по коже.

— Кстати, о кухне, — Лукан сменил тему с той легкостью, которой мог позавидовать любой дипломат. — Леди Маргарет Астон прибывает двадцать восьмого декабря. Я уже распорядился подготовить гостевые покои.

Виктория вздохнула.

— Маргарет... Боже, как я по ней скучала. И как боюсь этой встречи.

— Бойтесь?

— Она единственная из семьи, кто остался на моей стороне. И она едет в Россию, где ее кузина связалась с демоном и строит конфетную империю. — Виктория усмехнулась. — Интересно, что она скажет.

— Скажет, что вы удивительная женщина, графиня. —

Лукан говорил серьезно, без тени иронии. — И будет права.

Виктория подняла на него глаза.

— Изволишь шутки шутить? Или снова решил поиграть со мной в кошки-мышки?

— Я серьезен как никогда.

— Ну конечно. — Виктория сложила руки на столе и посмотрела на него с прищуром. — Так, раз с кухней почти все готово, займемся Бергом.

Суббота наступила быстро.

Берг получил приглашение на званый ужин и поспешно подготовился к своим коварным планам. Он прибыл в поместье Астон на сорок минут раньше назначенного времени, надеясь застать хозяев врасплох. Однако все уже было готово.

Более того, в поместье произошло прибавление. Лукан наконец нашел нужного человека на должность шеф-повара. Им стал немец Курт — мужчина лет сорока с грубоватыми чертами лица, мозолистыми руками и цепким взглядом человека, привыкшего к дисциплине. Со слов Лукана, он много лет прослужил поваром в морской пехоте и знал толк не только в камбузной стряпне, но и в изысканных блюдах для офицерских собраний.

Как только Берг вышел из кареты, тяжелые кованые ворота, ведущие во внутренний двор, распахнулись перед ним, едва он успел прикоснуться к ручке.

— Чудеса... — оценивающе протянул Берг. Он медлен-

но, вразвалочку, заложив руки за спину, зашагал к поместью, оценивая ослепительный фасад. — Хорошо устроилась девица. И это на нашей-то земле...

Берг прищурился и сглотнул слюну — то ли от предвкушения, то ли от зависти.

Двери поместья распахнулись ровно в тот момент, когда он поднялся на крыльцо.

— Добро пожаловать, господин Берг. — Лукан стоял на пороге, безупречный в своем черном камзоле, с неизменными белоснежными перчатками на руках.

Берг вошел внутрь и обомлел.

В поместье пахло роскошью и безупречным вкусом. Старая мебель, доставшаяся от прежнего владельца, была заменена новой — в модном ныне стиле петровского барокко. Темные дубовые панели на стенах сочетались с золоченой лепниной, высокие напольные часы с маятником тикали где-то в глубине коридора, а паркетный пол был натерт до такого блеска, что в нем отражались огни свечей.

Но самое впечатляющее ждало Берга в холле.

У широкой лестницы, ведущей на второй этаж, по обе стороны стояли две огромные напольные вазы из темно-синего стекла, а в них — целые букеты алых цветов. Лепестки изгибались причудливыми дугами, тычинки торчали длинными нитями, а сами цветы казались почти неестественными в своей совершенной красоте.

— Какие дивные цветы! — восхищенно произнес Берг и

тут же направился к ним, протягивая пухлую руку, чтобы коснуться лепестков.

— Настоятельно не советую вам их касаться и уж тем более нюхать... — мурлыкающим голосом произнес Лукан, бесшумно оказавшись рядом.

— Отчего же? — Берг слегка наклонился над цветами, втягивая носом воздух.

— Они ядовиты.

Глаза Берга расширились. На лбу мгновенно выступили капельки пота. Он отпрянул от цветов так резко, что едва не потерял равновесие.

— Что? Яд?! В доме?!

— Ликорис, — спокойно пояснил Лукан. — Цветы смерти, господин Берг. Красивые, но смертоносные. Как и многое другое в этом мире.

Берг нервно сглотнул и вытер лоб платком.

— Прошу вас пройти в столовую. Госпожа Виктория вас уже ожидает.

Столовая поражала воображение не меньше холла.

Стены были обшиты темным мореным дубом с золочеными плетеными узорами в стиле рококо. Высокий белоснежный потолок украшал искусный орнамент из лепнины, а в центре его сияла огромная хрустальная люстра — настоящий шедевр венецианских мастеров, выписанный, вероятно, за бешеные деньги. Сотни свечей, словно по волшебству, горели ровным, теплым светом, отражаясь в хрустальных под-

весках и разбрасывая по комнате тысячи солнечных зайчиков, хотя за окнами давно стемнело.

По центру стоял длинный стол, накрытый белоснежной скатертью с тончайшим кружевом. Стол буквально ломился от изысканных блюд. Тут были и заливные из стерляди, и расстегаи с семгой, и запеченный молочный поросенок с хрустящей корочкой, и целый осетр, фаршированный грибами и икрой. Отдельного внимания заслуживали пирамиды из засахаренных фруктов, марципановые фигурки и шоколадные конфеты ручной работы — продукция самой фабрики Астон.

Огромные окна закрывали тяжелые бордовые штофные шторы с золотыми кистями. В углу, у крайнего окна, стояло декоративное яблоневое деревце — не больше полутора метров в высоту, но усыпанное свежими румяными плодами. Чудо садоводческого искусства, выращенное, несомненно, под чутким руководством Алексея и при негласной помощи демонических сил.

Виктория уже сидела во главе стола — в темно-зеленом шелковом платье с высоким воротником, и с фамильными жемчугами на шее. Берга усадили в противоположном конце длинного стола — достаточно далеко, чтобы подчеркнуть дистанцию, но достаточно близко, чтобы вести беседу.

Лукан заботливо отодвинул для него тяжелый резной стул, и Берг с кряхтением уселся, жадно оглядывая стол. От обилия блюд у него едва не потекли слюни, и он с шумом

их сглотнул.

Мария тем временем вкатила сервировочный столик на колесиках, на котором красовалось серебряное ведерко, наполненное колотым льдом. Из льда торчало горлышко бутылки — шампанское «Вдовы Клико», лучшее, что можно было достать в Петербурге.

— Добро пожаловать, господин Берг, — начала Виктория, и голос ее звучал мягко, но в глазах застыл холод. — Мы рады, что вы приняли наше приглашение.

— О, графиня! — Берг расплылся в улыбке, пытаясь скрыть нервозность. — Как можно отказаться от такого приема? Ваш дом... ваша кухня... я поражен.

— Это только начало, — улыбнулась Виктория. — Прошу, приступайте. Не будем томить ожиданием такого дорогого гостя.

Она подала знак, и Мария принялась разливать шампанское по хрустальным бокалам.

Ужин проходил в напряженной атмосфере вежливости. Берг налегал на еду и шампанское, Виктория вела светскую беседу, а Лукан стоял за ее стулом, как статуя, не проронив ни слова.

— И все же, графиня, — начал Берг, расправившись с поросенком, — позвольте вернуться к делу. Ваш успех впечатляет, но... вы ведь понимаете, что одной вам не справиться? Петербург — город сложный. Нужны связи, нужна защита.

— У меня есть защита, господин Берг. — Виктория кив-

нула на Лукана.

— Дворецкий? — хмыкнул Берг. — Простите, графиня, но в случае серьезных проблем...

В этот момент бокал в руке Берга треснул. Тонкая трещина пробежала по хрусталу, и шампанское потекло на скатерть.

— О, простите, — раздался голос Лукана. — Должно быть, посуда оказалась бракованной. Я распоряджусь, чтобы вам принесли другой бокал.

Берг побледнел. Он готов был поклясться, что дворецкий даже не пошевелился.

— Так о чем вы говорили? — мило улыбнулась Виктория. — О защите?

— Точно... — протянул Берг, нервно облизнув губы. — Сорок пять процентов от вашего годового дохода. Ваша фабрика прославилась, ваша прибыль велика. А я, в свою очередь, буду выполнять роль вашей защиты на совесть!

— На совесть? — Виктория отставила бокал. — Господин Берг, до меня дошли слухи, что с поставками сахара возникли сложности. Вы случайно не знаете, кто мог бы помочь их разрешить?

Берг заерзал на стуле.

— Ну... это сложный вопрос, графиня. Сахар нынче дорог, поставки нерегулярны. Я, конечно, мог бы замолвить словечко...

— Замолвите. — Голос Виктории стал стальным. — И,

возможно, мы забудем о некоторых... недоразумениях, случившихся за последнее время.

— Каких недоразумениях? — Берг сделал невинное лицо.

— Пожар, господин Берг. Вы ведь понимаете, о чем я?

Повисла тишина. Берг понял, что его игра раскрыта.

— Графиня, я... это недоразумение...

— Конечно, недоразумение. — Виктория улыбнулась. — Давайте сделаем вид, что ничего не было. Вы налаживаете поставки, а я никому не расскажу, что вы пытались спалить мою фабрику. Идет?

Берг облегченно выдохнул и потянулся за бокалом.

— И еще, — добавила Виктория, — проценты от дохода я хочу понизить до двадцати.

Берг замер. Его лицо медленно налилось краской. Он с грохотом отодвинул стул и вскочил.

— Двадцать процентов?! Да за кого вы меня принимаете?! Вы живете во дворце, достойном самой царицы! Вы, графиня, думаете, что самая умная? Думаете, если вы англичанка и с вами этот... этот дворецкий, то все можно? А вот и нет! В Петербурге свои законы! И я тут не последний человек!

Виктория слушала молча, с легкой усмешкой. Когда Берг выдохся, она медленно поднялась из-за стола.

— Вы, Берг, — наконец сказала она, чеканя каждое слово, — просто жалкий завистник. У вас нет ни вкуса, ни таланта, ни благородного происхождения. Только деньги, и те нажитые нечестным путем. Вы пытались меня запугать, поджечь

мою фабрику, перекрыть поставки. И что? Я все еще здесь. А вы сидите прямо передо мной — пьяный, потный и вонючий — и пытаетесь доказать мне свое величие.

— Да как вы смеете?! — взвизгнул Берг, брызгая слюной.

— Я графиня Астон, — холодно ответила Виктория, и в голосе ее звенела сталь, закаленная годами потерь и борьбы. — Моя семья правила Англией, когда ваши предки еще лаптем щи хлебали. Так что советую вам, Карл Федорович, запомнить свое место.

Берг открыл рот, чтобы что-то возразить, но под взглядом Виктории слова застряли у него в горле. Никогда еще он не чувствовал себя таким ничтожным.

— Лукан, — не оборачиваясь, произнесла графиня, — принеси господину Бергу документы на подпись.

— Слушаюсь, госпожа.

— Я не стану ничего подписывать! — продолжал кричать Берг. — Двадцать процентов?! Это грабеж!

— Грабеж — это ваши услуги, от которых нет проку, — невозмутимо продолжила графиня, которая вновь сидела за столом и аккуратно нарезала мясо в своей тарелке.

— Да если бы не я, не ваша фабрика, не ваш... дворецкий...

Берг не успел договорить. Лукан уже стоял перед ним с легким поклоном, протягивая стопку бумаг.

— Договор о согласии со снижением процентной ставки по доходам, — промурлыкал он, и глаза его прищурились в

хитрой улыбке.

— Нет! И это мое твердое решение! — Берг отшатнулся, словно от ядовитой змеи. — Более того, у вас нет никаких доказательств против меня по поводу поджога фабрики!

— А вот и неправда. — Виктория наконец отвлеклась от блюда и подняла глаза на Берга. — Есть письмо о назначении встречи, в котором указана цель и цена, которую вы обещали заплатить за услугу. Было трудно достать это письмо, но все же мне это удалось. А также есть свидетели. И исполнители заказа. Они, кстати, сейчас находятся на заднем дворе. Не хотите ли взглянуть на них?

Глаза Берга расширились от ужаса. Багровый цвет его лица сменился мертвенной бледностью.

— Все равно ничего не подпишу. А письмо... его можно подделать. — Он заметался взглядом по комнате. — Мне нужно... в уборную.

— Лукан, проводи господина Берга.

— Слушаюсь. — Лукан слегка поклонился и указал рукой направление.

Войдя в уборную, Берг закрылся изнутри и прислонился лбом к холодной стене. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали. Он подошел к раковине, пустил холодную воду и несколько раз плеснул себе в лицо.

— Это всего лишь женщина, — прошептал он. — Всего лишь женщина и ее выскочка-дворецкий. Я справлюсь. Я всегда справлялся.

Он поднял глаза на свое отражение — и замер.

Из зеркала на него смотрел не он.

Там стоял Лукан. Но не тот галантный дворецкий, что открывал двери и подавал чай. Это было нечто иное. Хищный взгляд прожигал насквозь, губы растянулись в улыбке, обнажая ряды острых, как иглы, зубов. Кожа казалась еще бледнее обычного, почти прозрачной, а в глазах плясали синие огоньки — те самые, что Берг уже видел в коридоре.

Он резко обернулся.

Никого.

Только кафельные стены, закрытая дверь и тишина, нарушаемая лишь капающей из крана водой.

— Мне нужно покинуть это проклятое место, — выдохнул Берг, вытирая лицо дрожащими руками.

Он осторожно приоткрыл дверь. Коридор был пуст. Свечи в настенных бра горели ровно, но их свет казался каким-то... неестественным. Слишком ярким. Слишком живым.

Алкоголь давал о себе знать. Берг не запомнил дороги до уборной и теперь понятия не имел, в какую сторону идти к выходу. Он наугад повернул направо и зашагал по бесконечному коридору.

Тени плясали на стенах, и каждое движение казалось ему подозрительным. В углах мерещились чьи-то силуэты. Шепоты — едва слышные, шипящие — доносились то справа, то слева, то, казалось, прямо из-под пола. Берг ускорил шаг, но коридор не заканчивался, двери тянулись одна за другой,

одинаковые, бесконечные.

Шепот стал громче. Теперь он различал слова:

— Берг... Берг... Карл Федорович...

— Кто здесь?! — крикнул он, но голос прозвучал жалко и тонко.

Тень впереди сгустилась. Из темноты выступила фигура.

Высокая. Слишком высокая. В черном костюме, но костюм этот висел на иссохшем теле, как на вешалке, — непропорционально длинные руки, слишком бледная кожа, белоснежное лицо с пустыми глазницами, в которых горели два синих огонька. Рот существа был растянут в жуткой улыбке, полной острых зубов.

— Лу... Лукан? — прошептал Берг, не веря своим глазам.

Существо не ответило. Только сделало шаг вперед.

Берг развернулся и побежал.

Ноги стали ватными, но страх гнал его вперед. Он распахнул первую попавшуюся дверь — и с криком рухнул вниз, в темноту.

Лестница оказалась длиннее, чем он думал. Берг кубарем скатился по деревянным ступеням и со всего маху ударился головой о каменный пол. В глазах потемнело, в ушах зазвенело.

Он поднял голову и увидел, как в дверном проеме наверху показался силуэт. Тот самый. От прежнего облика дворцевого не осталось ничего — только тьма, голод и древняя, пугающая сила. Существо медленно, не касаясь ступеней, словно

паря, начало спускаться вниз.

Берг закричал и попытался вскочить. Ноги не слушались. Он упал на колени, вцепившись руками в холодный камень. Новая попытка — и он наконец поднялся, шатаясь, и помчался вглубь подвала.

Полумрак, сырой воздух с запахом плесени и гниющего дерева, редкие лучи лунного света из подвальных окон — все это сливалось в один кошмар. Берг влетел в первую попавшуюся дверь и захлопнул ее за собой.

Кладовая. Метлы, швабры, ведра, старые ящики. Он забился в самый темный угол, вжался в стену и замер, боясь дышать.

Тишина. Только стук собственного сердца, готового выпрыгнуть из груди.

А потом он увидел тень.

Она приближалась по ту сторону двери — медленно, плавно, неотвратимо. Остановилась прямо перед входом. Берг смотрел на щель под дверью, откуда пробивался слабый свет, и видел, как тень заслонила его.

В щель просунулся лист бумаги. Договор. А следом — перо с собственным запасом чернил.

И шепот. Прямо над ухом. Холодный, шипящий, проникающий в самую душу:

— Подписывай.

Берг всхлипнул. По щекам потекли слезы, смешанные с потом. Руки тряслись так сильно, что он едва удерживал пе-

ро.

— Подписывай, — повторил шепот. — И больше не совершай глупостей, если боишься за свою сальную шкуру.

Берг поставил подпись. Кривую, дрожащую, почти неразборчивую, но подпись.

— Вот и славно, — удовлетворенно выдохнул голос прямо в ухо, и Берг почувствовал на шее холодное дыхание.

Он вывалился из кладовой, не помня себя. Ноги понесли его куда-то вперед, и он даже не понял, как оказался во внутреннем дворе. Луна светила холодно и равнодушно, ветер шелестел кустами шиповника.

Берг подбежал к забору. Толстый, неуклюжий, задыхающийся, он с неожиданной для себя силой перелез через ограду и рухнул по ту сторону. Не оглядываясь, не думая, куда бежит, он ломился сквозь лес, цепляясь одеждой за ветки, падая, поднимаясь и снова бежа.

Прочь от этого проклятого места.

Прочь от графини.

Прочь от демона в обличье дворецкого.

Лукан вернулся бесшумно, как всегда. В руках он держал подписанный договор.

— Все улажено, графиня. — Он положил бумагу на стол перед Викторией. — Господин Берг больше не доставит нам хлопот.

Виктория взяла документ, пробежала глазами по подписи и удовлетворенно кивнула.

— Что ты с ним сделал?

— Я? — Лукан изобразил невинность. — Ровным счетом ничего. Просто показал ему, что в этом доме есть вещи пострашнее английской графини.

— И что же это?

Лукан наклонился к ней и тихо, почти интимно прошептал:

— Его собственные страхи, графиня. Самые надежные союзники.

Виктория посмотрела на него долгим взглядом.

— Ты пугаешь меня, Лукан.

— Я демон, графиня. — Он улыбнулся, и в этой улыбке не было ничего от того чудовища, что видел Берг. Только галантность и легкая насмешка. — Это моя работа.

Она усмехнулась и отпила вино.

— Бокал все-таки был бракованным?

— Конечно, графиня. — Лукан подмигнул. — Самая лучшая посуда всегда немного бракованная. Когда надо.

Глава 6 "Долгожданные" гости

Дела шли в гору. Берг больше не строил козней против графини — напротив, стал весьма полезен. Однако расслабляться не стоило: это была палка о двух концах, и никогда не знаешь, где и когда произойдет выстрел.

Конфеты компании «Астон» прославились практически на всю страну. Более того, весьма знатными людьми в качестве гостинцев они были вывезены за пределы России. И это была прекрасная реклама с возможным дальнейшим сотрудничеством с другими государствами.

Двадцать восьмого декабря, ближе к обеду, в поместье прибыла долгожданная гостья — кузина Виктории, леди Маргарет Астон, которой буквально несколько дней назад исполнилось девятнадцать.

Карета, запряженная четверкой вороных лошадей, остановилась у парадного входа. Морозный воздух, наполненный запахом свежего снега и дыма из печных труб, встретил путешественниц, проделавших долгий путь из Англии через замерзшую Европу.

Первым из кареты вышел Лукан, встречавший гостей. Он подал руку, и из экипажа показалась Леди Маргарет Астон.

Прелестная девушка с белоснежными вьющимися волосами, которые были уложены в затейливую прическу с несколь-

кими локонами, спадающими на плечи. Ее кожа отличалась идеально ровным, фарфоровым тоном — редкость для тех, кто много путешествует, но явный знак тщательного ухода. Пухлые розовые губы и большие голубые глаза делали ее похожей на фарфоровую куклу, каких выписывали из Парижа для дочерей вельмож.

На ней было дорожное платье из темно-синего шерстяного сукна с высоким воротником, отороченным собольим мехом — подарок заботливой тетушки, знавшей толк в русских морозах. Поверх платья — длинный плащ из той же ткани, подбитый мехом и застегнутый у горла серебряной брошью в виде розы. На руках — муфта из белого кролика, в которой прятались озябшие пальцы. Из-под подола выглядывали кончики теплых сапожек на низком каблуке, расшитые бисером.

Маргарет вышла из кареты с грацией, свойственной юности, но в глазах ее читалась не детская наивность, а та особенная Астоновская сталь, что так хорошо была знакома Виктории. Она оглядела фасад поместья и едва заметно улыбнулась.

Вслед за ней, опираясь на руку Лукана, из кареты выбралась Леди Эбигейл, вдова герцога Кентского.

Женщина, чей возраст перешагнул сорокалетний рубеж, но на вид ей можно было дать не более тридцати шести. Высокая, статная, с точёной фигурой, которую не могли скрыть даже многослойные зимние одежды. Ее осанка была без-

упречна — словно она проглотила кочергу, как говаривали в Англии про чопорных аристократок.

Леди Эбигейл, урожденная леди Эбигейл Говард, происходила из старинного рода, что дал Англии не одного канцлера и адмирала. Выйдя замуж за младшего брата герцога Кентского, она породнилась с Астонами и после смерти мужа (говорят, при весьма загадочных обстоятельствах) осталась одной из самых влиятельных вдов при дворе. Ее состояние, связи и острый ум делали ее опасной союзницей и смертельным врагом.

Острый нос, тонкие губы, вечно строгий взгляд светло-серых глаз — она смотрела на мир так, будто постоянно оценивала его стоимость и находила недостаточно высокой. Бело-снежные волосы были уложены в сложную прическу, увенчанную небольшой траурной диадемой из аметистов — дань памяти покойному супругу.

Одега она была в дорожное платье из черного бархата, подбитое горностаем — истинно королевский мех, который она могла себе позволить благодаря родству с герцогской семьей. Высокий воротник с кружевным жабо, длинные рукава с разрезами, сквозь которые виднелось серебристое шитье нижнего платья. На шее — жемчужное ожерелье в три нити, на пальцах — массивные перстни с печатками. В руках она держала муфту из соболя, стоившую, вероятно, годового жалованья петербургского чиновника.

Эбигейл вышла из кареты с царственным спокойствием,

окинула Лукана быстрым, цепким взглядом — и в этом взгляде мелькнуло нечто такое, что даже демон на мгновение замер.

— Благодарю, — сухо произнесла она, принимая его руку. — Вы, должно быть, тот самый дворецкий, о котором Виктория писала в письмах.

— К вашим услугам, миледи. — Лукан поклонился с безупречной грацией.

— Посмотрим, — отрезала леди Эбигейл и направилась к дверям, не дожидаясь, пока ее проводят.

Маргарет, успевшая обменяться с Луканом быстрым взглядом, последовала за тетушкой, но на мгновение обернулась и улыбнулась — тепло, по-детски, совсем не по-аристократически.

Лукан закрыл дверцу кареты и отдал распоряжение кучеру. В его глазах мелькнул интерес.

— Интересные гости, — прошептал он одними губами. — Очень интересные.

— Виктория! — леди Маргарет словно ребенок помчалась обнимать кузину, едва ступив на порог поместья.

Виктория, едва удерживаясь на ногах, крепко прижала к себе Маргарет. На глазах выступили слезы счастья.

— Леди Маргарет Астон, — строгим голосом начала леди Эбигейл, — вам не подобает вести себя столь вызывающим образом. Вы аристократка, к тому же леди...

— Не начинайте, тетушка, — с улыбкой прервала ее Виктория. — Мы дома. И здесь нет посторонних глаз.

Она с теплом посмотрела в глаза кухне, после чего подошла к леди Эбигейл и тихонько приобняла ее. Та на мгновение замерла, но потом все же слегка расслабилась в объятиях племянницы.

— Я рада тебя видеть, — Эбигейл позволила себе легкую улыбку — редкое явление на ее строгом лице. — И, как я погляжу, ты прекрасно тут устроилась. Наслышана о твоей фабрике. Упорство Астонов дает о себе знать.

— Благодарю, тетя.

Лукан тем временем принял верхнюю одежду гостей, после чего, словно тень, замер в стороне, наблюдая за происходящим. Его взгляд скользнул по леди Эбигейл, задержался на мгновение на Маргарет и вернулся к Виктории. Он изучал, оценивал, запоминал.

Затем он сопроводил всех в столовую, где их ждала плотная трапеза — запеченная дичь, расстегаи, соленья и, конечно, десерты от фабрики Астон. Разговоры за столом не умолкали: леди Эбигейл расспрашивала о делах, Маргарет восхищалась убранством, а Виктория с трудом успевала отвечать на вопросы и одновременно наслаждаться присутствием родных.

После обеда гостей проводили в их комнаты. Алексей, помогавший с багажом, разместил чемоданы прибывших гостей согласно указаниям Лукана, после чего спустился на

кухню, где уже хлопотали Мария и Курт.

— Вот это шуму! — с горящими глазами начал Алексей, влетая в кухню и с размаху плюхаясь на табурет.

— Женский батальон... — протянул Курт, ковыряя зубочисткой в зубах. Он сидел у печи, вытянув ноги в стоптаных башмаках, и наслаждался редкой минутой покоя. — Три англичанки под одной крышей — это вам не в море шторм пережить.

— Но какая она красивая! — восхищенно всплеснула руками Мария, откладывая мокрую тряпку.

— Ты о бабе с острым носом? — усмехнулся Курт, приподнимая бровь. — Она на нас как на тараканов смотрела.

— Да нет же! — Мария даже притопнула ногой от нетерпения. — О прелестной леди Маргарет! Какие у нее светлые, легкие волосы — словно ангельские! А глаза — такие большие, голубые, чище неба! И улыбается она так тепло, совсем как наша госпожа, когда в духе.

— А мне так и не удалось ее рассмотреть... — с грустью произнес Алексей, вздыхая. — Я только чемоданы таскал да в пол смотрел, как Лукан велел. А она, говорят, еще и улыбалась?

— Тебе и не положено рассматривать этих женщин! — Курт ткнул пальцем в нос Алексея, заставив того отшатнуться и схватиться за ушибленное место.

— Больно же!

— Не зевай и не суй свой нос куда не следует, — наста­вительно произнес Курт, поудобнее устраиваясь на табу­ре­те. — Это английская знать, понял? Там сплошные интриги, под­ко­верные игры и такие тайны, что тебе и не снились. Я в морской пехоте посмотрелся на господ офицеров — у них в голове одно: как бы друг дружку подсадить да повыше за­браться.

— Но они же тоже люди! — не успокаивался Алексей, по­ти­рая нос. — Вот взять, к примеру, госпожу Викторию. Она с виду хоть и строгая, даже суровая порой, а сердце-то у нее мягкое. Вон как на кухню свою смотрела — слезы на глазах! И меня всегда приветит, и словом добрым не обделит, хоть я и простой садовник.

Глаза Алексея словно наполнились светом, и он с теплом улыбнулся.

— И душа у нее светлая, — подхватила Мария, под­хо­дя ближе. — Я за ней убираюсь, вижу, как она с письмами си­дит, как переживает за дела. Но никогда на нас голоса не по­высит, всегда спасибо скажет. Иной раз даже чаем угостит, если видит, что я замаялась. — Она прижала руки к груди. — Добрая она. Строгая, но справедливая.

— Да, я тоже такого мнения о госпоже, — уверенно кив­нул Алексей. — Лучше хозяйки и не сыскать.

— Чего не скажешь о Лукане, — усмехнулся Курт, по­че­сывая затылок. — Вот уж кто темная лошадка. Ходит неслышно, говорит гладко, а глаз — как у морского волка,

который шторм за милую чует. Я таких за свою жизнь насмотрелся. Они либо на дне морском лежат, либо капитанами становятся.

— Однако он так красив... — мечтательно протянула Мария, прикладывая ладони к налившимся румянцем щекам. — И галантный какой! Всегда дверь откроет, руку подаст, слово нужное скажет. Иной раз даже кажется, что он не простой дворецкий, а сам... не знаю... принц какой заколдованный.

— Эх, ты ж! — Курт всплеснул руками, выказывая полное недоумение. — Наивные детки! Красота — она, конечно, дело хорошее, но под красивой оболочкой знаешь сколько червей бывает? — Он поднялся с табурета и хлопнул ладонью по столу. — А ну-ка, давайте за работу! Нужно прибрать со стола и вымыть всю посуду. А там и до ужина недалеко. Господа голодными не должны остаться, это вам не шутки!

— А что на ужин? — с надеждой спросил Алексей, мигом забывая о грусти.

— А тебе лишь бы брюхо набить! — рассмеялась Мария, хватая его за рукав. — Пошли, помогать будешь.

Курт проводил их взглядом, покачал головой и пробурчал себе под нос:

— Английская знать, демон в перчатках, горящие цветы в холле... И это я, старый моряк, в пехоте полжизни отслуживший, теперь в таком цирке оказался. Ну и дела, однако.

Он усмехнулся собственным мыслям и принялся зачи-

щать медный котелок.

Графиня сидела в гостиной на изумрудном изящном диване с высокой резной спинкой, характерном для моды эпохи Регентства. На ней было коралловое платье из тяжелого итальянского шелка с глубоким декольте — смелый выбор для английской аристократки, но в Петербурге позволяли себе больше. Лиф платья был отделан тонким серебряным шитьем в виде переплетенных листьев, а широкие юбки, поддерживаемые панье, ниспадали мягкими волнами до самого пола. По совету Лукана, с помощью специального средства, что скрывало любые изъяны кожи, метка на ее груди была полностью незаметна — лишь легкое тепло напоминало о ее присутствии.

Шею Виктории украшало кольцо с крупным синим топазом в оправе из черного серебра — камень глубокого, холодного оттенка. Серьги с такими же топазами покачивались в ушах, а на среднем пальце правой руки красовался массивный перстень с камнем поменьше, но не менее изысканным. Темные волосы были уложены в сложную прическу с несколькими локонами, спадающими на плечи, — труд горничной Марии, которая провозилась с ними не меньше часа.

Рядом с Викторией, на том же диване, сидела леди Маргарет. На кухне было платье нежного розового цвета — более скромного покроя, с закрытыми плечами и кружевными манжетами у запястий, что больше соответствовало ее

юному возрасту и статусу невесты. Шелк отливал жемчужным блеском при свете свечей, а лиф был расшит мелкими жемчужинами. Волосы Маргарет, собранные в роскошный пучок, украшала небольшая диадема с голубыми топазами, из прически вились легкие волнистые пряди, обрамляющие нежное лицо. На шее ее красовалось ожерелье из голубых камней — подарок будущего мужа, как она потом шепнула Виктории.

— Ты так быстро уехала, милая кузина, — начала Маргарет, поправляя кружевной платочек. — Ты ведь была обручена!

— Верно, — Виктория отпила чай из тонкой фарфоровой чашки, — однако дела не требовали промедления.

— Но что теперь? Ты здесь, в чужой стране!

— Эта страна станет моим домом, — спокойно ответила Виктория. — Наша фамилия уже известна, мой герб...

— Но почему ликорис?! — перебила Маргарет, подаваясь вперед. Ее голубые глаза расширились от любопытства. — Красный цветок на черном фоне... выглядит весьма... жутковато.

— Жутковато и... узнаваемо! — Виктория рассмеялась звонко, почти по-девичьи. — Мой герб стал знаменит на всю Россию, милая. А в торговле это главное.

Маргарет задумчиво кивнула, но потом хитро прищурилась и подалась ближе.

— А этот дворецкий... он ничего. — Она подмигнула и

слегка толкнула Викторрию плечом. — Тебе бы приглядеться к нему, кузина. Он такой галантный, и сразу видно — не из простой семьи.

Викторрия сделала задумчивый вид, хотя внутри у нее что-то дрогнуло.

— И как же ты определила, что он не простой человек?

— Ну как же тут не заметить? — Маргарет даже руками всплеснула, забыв о чопорности. — Его манеры! Как он руку подает, как кланяется, как смотрит! Высокий, статный, благородный. А какой от него аромат... — она мечтательно закатила глаза. — Древесный, с нотками бергамота... Таки-ми духами только аристократы пользуются. И кожа у него... словно фарфор. У простых людей такой не бывает.

Викторрия удивленно подняла бровь. Маргарет была наблюдательнее, чем казалась.

— Только не говори, что он тебе понравился! — Викторрия укоризненно посмотрела на кузину, а затем не выдержала и залилась смехом.

— Ой, нет, что ты! — Маргарет замахала руками, но щеки ее порозовели. — У меня уже есть жених! Более того, весной у нас будет свадьба. Поэтому я заранее для тебя подготовила приглашение!

Она порылась в ридикюле и с торжественным видом протянула Викторрии запечатанный конверт с гербом.

— Прими мои поздравления! — Викторрия крепко обняла кузину, чуть не сбив с нее диадему. — Я так рада за тебя!

— Так ты приедешь? — Маргарет отстранилась, надула губки и с надеждой заглянула в глаза Виктории. — Отказы не принимаются!

— Обязательно приеду, — твердо ответила Виктория и крепко сжала конверт с приглашением.

Маргарет удовлетворенно кивнула, но потом снова хитро прищурилась.

— А к дворецкому на твоём месте я бы все же пригляделась. — Она понизила голос до заговорщического шепота. — Тебе двадцать три года, сестрица! Того и гляди, так и останешься одна, вечно погруженная в свою работу. А он... — Маргарет многозначительно подняла палец, — судя по всему... еще и отличный любовник!

Она залилась звонким смехом, а щеки Виктории налились пунцовым цветом. Даже корсет, казалось, стал теснее.

— Какой ужас! Он далеко не в моем вкусе! — отмахнулась Виктория, пряча смущение за чашкой чая.

— Но все же? — не унималась леди Маргарет, явно наслаждаясь ролью искусительницы. — Признайся, хоть капельку?

Виктория замаялась. Перед глазами мелькнул образ Лукана в полумраке коридора, его синие глаза, его тихий голос...

— Он, конечно, очень даже симпатичен, — сдалась она, чувствуя, как горят уши. — И от него действительно вкусно пахнет, но... Боже! Да о чем ты заставляешь меня думать!

Маргарет вновь засмеялась и крепко прижала к себе Вик-

торию.

— Я просто очень за тебя волнуюсь, — сказала она уже серьезно, положив голову в кухне на плечо. — И боюсь, что ты останешься совсем одна. Ты столько пережила, столько потеряла... Тебе нужно счастье, Виктория. Настоящее, теплое, живое.

Виктория обняла ее в ответ и погладила по голове.

— Все будет хорошо, сестрица, — тихо промолвила она, и в голосе ее звучала та самая сталь Астонов, что не сгибалась ни перед чем. — Обо мне можешь не беспокоиться.

Она улыбнулась, но в глазах ее на мгновение мелькнула тень — и не понять, то ли от воспоминаний о прошлом, то ли от мыслей о том, кто сейчас, возможно, стоял за дверью и слышал каждое их слово.

Виктория не планировала свое далекое будущее, ведь она знала, какой конец ее ждет. Все, ради чего она жила, ради чего она боролась — это месть. Более она не о чем даже не могла задуматься.

Все это время за дверью гостиной стоял Лукан.

Он слышал весь разговор. Более того — он чувствовал тревогу, что жила в душе Виктории. Связь, скрепленная печатью, давала о себе знать: каждое ее сомнение, каждый страх отдавались в нем тихой, но отчетливой вибрацией. Он стоял, облокотившись о стену, скрестив руки на груди. Задумчивый взгляд был устремлен куда-то в пол — а может, и ниже пола, в те глубины, откуда он сам явился много лет

назад.

Услышав достаточно, он бесшумно оттолкнулся от стены и скользнул по коридору. Идеальный порядок в доме требовал внимания: слегка покосившаяся картина тут же была поправлена его длинными, изящными пальцами. Ни одна деталь не должна нарушать гармонии.

Промелькнув тенью мимо покоев леди Эбигейл, Лукан вдруг замер. Дверь была слегка приоткрыта — щель достаточно широкая, чтобы острый демонический взгляд мог разглядеть происходящее внутри.

Женщина сидела на краю кровати, разложив перед собой стопки бумаг и писем. На ней был строгий домашний халат из темно-синего шелка, расшитый серебряными нитями, волосы распущены и тяжелыми волнами спадали на плечи. Без дневной диадемы и строгой прически она выглядела моложе, но взгляд ее оставался все таким же цепким и холодным.

Эбигейл изучала содержимое какого-то документа с таким сосредоточенным выражением, словно от этих строк зависела судьба королевства. Она то хмурилась, то прикусывала губу, то делала пометки пером в записной книжке, лежащей рядом.

Лукан не растерялся. Доля секунды — и он уже висел за окном, вверх ногами, уцепившись ногами за каменный карниз. Для демона, пережившего падения империй, такая акробатика была детской забавой. Морозный воздух обжигал лицо, но он не чувствовал холода — только азарт.

Леди Эбигейл даже не подозревала, что за ее спиной уже ведется наблюдение. Острый взгляд дворецкого позволил мгновенно изучить все, что лежало как на ладони. Документы, папки, конверты с гербами — и то самое письмо, которое она читала с особым вниманием.

Лукан успел разобрать несколько строк: изящный почерк, английские слова, имя... чье-то имя, показавшееся ему смутно знакомым.

Но в какой-то миг леди Эбигейл замерла. Что-то заставило ее поднять голову. Она почувствовала на себе чужой взгляд — тяжелый, пронизывающий, нечеловеческий.

Женщина резко обернулась к окну.

Пусто.

Только морозные узоры на стекле да темнеющий за ними лес.

Эбигейл подошла к окну, вглядываясь в ночную мглу. Комната располагалась на втором этаже, и окна выходили прямиком на густой лес, что начинался сразу за оградой поместья. Луна холодно освещала заснеженные ветви, но ни единой тени, ни единого силуэта не было видно.

— Мерещится, — прошептала она, потирая плечо, покрытое мурашками. — Старость? или... что-то другое?

Она задернула штору и вернулась к бумагам, но взгляд ее то и дело возвращался к окну.

Чувство, что за ней наблюдают, не проходило.

Виктория вышла из ванной комнаты, укутанная в теплый халат из мягкой шерсти цвета слоновой кости, расшитый по вороту тонким золотым узором. Она попутно вытирала волосы полотенцем, когда, войдя в спальню, вдруг замерла — в комнате кто-то был.

Она резко обернулась.

В самом темном углу, почти сливаясь с тенью от тяжелой портьеры, стоял Лукан.

— Прошу прощения, если напугал, — галантно произнес он и шагнул вперед, позволяя свету свечей упасть на его лицо.

— Ведёшь себя словно демон, — проворчала Виктория, поправляя халат и плотнее запахивая ворот.

— Ох, ну что вы? — Лукан ухмыльнулся, приближаясь. — Я всего лишь ваш преданный дворецкий.

Виктория демонстративно отвернулась к туалетному столику, делая вид, что ищет что-то среди флаконов и баночек.

— Соблюдай дистанцию, Лукан.

— Как ваша метка? — его голос звучал вкрадчиво, почти мурлыкающе, и он потянулся рукой к халату, туда, где под тканью скрывалась печать.

Виктория мгновенно отреагировала — резко развернувшись, она с силой хлопнула его по руке.

— Издеваешься?! — рявкнула графиня, но в голосе ее звенело скорее возмущение, чем настоящий гнев.

— Тише, госпожа. — Лукан даже не поморщился от уда-

ра, лишь улыбнулся шире. — Вас могут услышать. И сплетен тогда точно не избежать.

Виктория замерла, прислушиваясь. Где-то в коридоре скрипнула половица, но все стихло.

— Чего тебе нужно? — уже тише, но не менее резко спросила она. — Если пришел по делу — говори. А нет — проваливай. Я устала и хочу отдохнуть.

Она кинула влажное полотенце на кресло, стоящее неподалеку от кровати, и, не глядя на Лукана, села на край постели. Движение вышло демонстративным, величественным — она закинула ногу на ногу, и халат разошелся, обнажая стройные ноги до самых бедер. Кожа еще хранила тепло воды и розовый оттенок после ванны.

Лукан замер.

Его взгляд скользнул по обнаженным ногам, по изгибу колена, по влажным локонам, спадающим на плечи. Он сглотнул — едва заметно, почти неслышно, но горло дрогнуло.

А затем, не спрашивая разрешения, он опустился на колени прямо у ее ног.

Виктория вздрогнула, когда его длинные, прохладные пальцы коснулись ее ступни. Он принялся разминать — уверенно, умело, находя каждую напряженную точку. Она дернула ногой, пытаясь высвободиться, но пальцы демона сжались ровно настолько, чтобы удержать, но не сделать больно.

— Отпусти, — процедила она сквозь зубы.

— Вам ведь нравится, — спокойно ответил он, продолжая

массаж.

Виктория хотела возразить, но... ногам и вправду было приятно. После долгого дня, после ванны, после всех переживаний — его прохладные, сильные пальцы делали что-то невероятное. Тепло разливалось по ступням, поднималось выше, к икрам.

Она сдалась. Откинулась на кровати, опершись на руки, и позволила ему продолжать.

— Ваша тетушка весьма не простая, — начал Лукан, не прекращая массаж. Его пальцы давили на точки, о существовании которых Виктория даже не подозревала.

— Что тебе удалось узнать? — спросила она, глядя на него сверху вниз. В свете свечей его склоненная голова казалась почтительной, но она знала — это лишь иллюзия.

— Она привезла с собой кучу писем. — Лукан переключился на вторую ступню, разминая ее с тем же умением. — В одном из них упоминалась фамилия Монтегю. Вам это ни о чем не говорит?

— Монтегю... — Виктория нахмурилась, пытаясь ухватить ускользающее воспоминание.

— Леди Мэри Монтегю, — уточнил Лукан. — С ней ведет переписку ваша тетушка.

— Эта фамилия... — Виктория резко выпрямилась, едва не выдернув ногу. — Я слышала ее, когда убили моих родителей! — голос ее дрогнул, но в нем зазвенела сталь.

Лукан мгновенно встал с колен и, прежде чем она успела

отшатнуться, прижал палец к ее губам.

— Тише, госпожа. — Его лицо было так близко, что она почувствовала его дыхание. — Ведите себя разумнее. Не поднимайте шум. Вас могут услышать.

Виктория замерла. Ее глаза — темные, почти черные в полумраке — впились в его синие, светящиеся странным огнем.

Она резко встала, отстраняясь, и заметалась по комнате. Босая, в развевающемся халате, она ходила из угла в угол, перебирая воспоминания.

— Я должна вспомнить! — бормотала она. — Хотя бы малейшая наводка, зацепка... Монтегю... Мэри Монтегю...

— Успокойтесь, госпожа. — Лукан бесшумно приблизился и остановил ее, мягко положив руки на хрупкие плечи. — Позвольте мне самому докопаться до истины.

Виктория подняла на него глаза. В них плескалась буря — гнев, боль, надежда.

— И как же ты планируешь это сделать?

— Дайте мне время. — Его пальцы чуть сжали ее плечи. — Наши гости пробудут здесь не меньше недели. Этого достаточно.

— Да, но у меня есть приглашение к государю. Шестое января. Я не могу его проигнорировать.

— Мы все успеем, графиня. — Лукан говорил спокойно, уверенно, и эта уверенность передавалась ей. — Просто доверьтесь мне.

— Ладно. — Она устало выдохнула. — А теперь убери от меня руки.

Виктория шагнула назад, пытаясь высвободиться, но Лукан вдруг сжал пальцы крепче и развернул ее лицом к себе.

— Ты чего?! — возмутилась она, оказавшись в опасной близости от него.

— Тише, госпожа, — его голос стал низким, мурлыкающим, проникающим под кожу. Он склонил голову, глядя ей прямо в глаза. — Скажите... вам нравится аромат моей кожи? Мои глаза? Мой голос?

Виктория замерла, словно кролик перед удавом. Его запах — древесный, с нотками бергамота и чего-то дымного, древнего — заполнял легкие. Его глаза горели синим огнем в полумраке. Его голос вибрировал где-то внутри, отзываясь теплом внизу живота.

Но ровно на секунду.

— Умом что ли тронулся?! — она рванулась, выдергивая руку из его хватки, и отступила на шаг, поправляя халат. — Мы с тобой уже не раз обсуждали наш договор! Не смей его нарушать! А теперь покинь мои покои немедленно!

Лукан замер. На его лице не отразилось ни обиды, ни разочарования — только легкая, чуть печальная улыбка.

— Слушаюсь, госпожа.

Он слегка поклонился — и растворился в воздухе. Просто исчез, словно его и не было. Только легкий сквозняк прошелестел портьерой.

— Совсем расслабился, — проворчала Виктория себе под нос, забираясь под одеяло.

Она лежала в темноте, глядя в потолок, и пыталась успокоить бешено колотящееся сердце. К ногам вернулось тепло — то самое, от его массажа. И ощущение, словно его пальцы все еще разминают ступни, не отпускало.

Внизу живота разливалось странное тепло, но она отогнала наваждение.

— Монтегю... — прошептала она в темноту. — Мэри Монтегю.

Это имя нужно было запомнить. А все остальное — выкинуть из головы.

Завтра ей предстояло заниматься документами, принимать гостей, улыбаться тетушке и делать вид, что ничего не происходит.

Но тепло в ногах не проходило.

И запах его парфюма все еще витал в комнате.

Глава 7 Подготовка к празднованию нового года

Раннее утро. Виктория стояла в библиотеке у огромного стеллажа, усеянного книгами. Книг на родном языке, конечно же, почти не было — практически все тома были на русском, однако, если хорошо поискать, можно было найти литературу как на немецком, так и на французском. Тяжелые дубовые полки уходили под самый потолок, и в тусклом свете масляных ламп корешки поблескивали золотым тиснением.

На графине было темно-синее платье более строгого формата, чем те, что она носила для званных ужинов. Мода 1720-х годов диктовала свои правила, но Виктория позволяла себе небольшие вольности, смешивая строгость с элегантностью.

Платье было сшито из тяжелого итальянского шелка глубокого сапфирового оттенка. Лиф, плотно облегающий фигуру, заканчивался мысом на талии и был украшен тонкой серебряной вышивкой в виде переплетенных виноградных лоз. Декольте, довольно скромное для дневного времени, прикрывало кружевное жабо из брюссельского кружева — настоящее произведение искусства, которое ниспадало мягкими волнами и закалывалось у горла небольшой жемчужной брошью. Рукава, узкие до локтя, расширялись ниже, от-

крывая кружевные манжеты, из которых выглядывали изящные запястья.

Юбка ниспадала мягкими складками, позволяя свободно двигаться среди книжных стеллажей. Талию подчеркивал широкий пояс из темного бархата с серебряной пряжкой.

Волосы Виктории были уложены в прическу, напоминающую стиль французского регентства — не слишком высокую, но элегантную. Передние пряди были слегка приподняты и заколоты изящными черепаховыми шпильками с жемчужными наконечниками, основная же масса волос мягко спускалась вниз, до самых лопаток, обрамляя лицо и шею легкими локонами. Несколько тонких серебряных нитей были вплетены в прическу, поблескивая при каждом движении.

— Ищите что-то конкретное?

От неожиданного голоса внезапно появившегося Лукана Виктория вздрогнула. Сердце на миг пропустило удар — она готова поклясться, что секунду назад в библиотеке никого не было.

Она бросила на него строгий взгляд, но, так ничего и не ответив, еще раз бегло осмотрела полки стеллажа, у которого стояла, демонстративно развернувшись и направилась к выходу.

Лукан же вновь получил удар ниже пояса. Больше всего на свете его задевало то, что графиня время от времени делала вид, словно его вообще не существует. Двести лет безупречной службы, сотни очарованных им смертных — и эта

женщина смотрела на него как на пустое место.

Быстро, словно тень, он оказался перед Викторией, преграждая ей путь к двери.

— Чего тебе нужно? — наконец спросила она, скрестив руки на груди. Кружево жабо взметнулось от резкого движения.

— Вы мне так ничего и не ответили, — улыбнулся Лукан, и глаза его превратились в две хитрые лисьи щелочки. Он хорошо играл свою роль. Слишком хорошо.

— Уже ничего не ищу, — сухо ответила Виктория, пытаясь обойти его.

— И все же? — он мягко, но настойчиво шагнул следом, вновь оказываясь перед ней.

Виктория замерла. В полумраке библиотеки, освещенной лишь парой масляных ламп, его глаза горели тем самым синим огнем, который она уже научилась бояться и ждать одновременно.

— Я искала фамилию, — выдохнула она, понимая, что от него не скрыться. — Ту, что таится в самых далеких уголках моей памяти. Монтегю. И теперь она не дает мне покоя.

— Я же сказал вам, госпожа, — голос Лукана стал тише, мягче, почти мурлыкающим. — Предоставьте эту задачу мне. И вскоре вы сможете получить ответы на все вопросы.

Виктория посмотрела на него долгим взглядом. В его обещаниях всегда крылась ловушка — она это знала. Но выбора у нее не было.

— Ладно. — Она глубоко вздохнула. — А теперь уйди с дороги. Мне нечем дышать.

Она резко оттолкнула его рукой и, не оборачиваясь, вышла из библиотеки, оставив Лукана одного среди книг и тени.

Демон проводил ее взглядом, полным странной смеси восхищения и голода.

— Монтегю, — прошептал он одними губами. — Что ж, поиграем.

По указанию Лукана, во время утренней трапезы господ Мария должна была навести порядок в комнате леди Эбигейл, заменить постельное белье, а также осмотреть комнату, чтобы выяснить, где именно та прячет привезенные документы. Алексею было поручено наблюдение за юной леди Маргарет. Курт же вел наблюдение издали за всем домом и придомовой территорией, дабы никто посторонний не проник. Лукан находился по правую руку от госпожи и также вел охват каждого уголка поместья. Каждый выполнял свою работу.

Утро выдалось морозным, но в столовой благодаря стараниям Курта было тепло и уютно. На столе дымился кофейник, рядом стояли корзины с круассанами, горячими булочками, а также тонкие ломтики поджаренного хлеба. Масло, несколько видов варенья и свежие фрукты дополняли картину.

— У тебя прекрасный повар, — с улыбкой произнесла Эбигейл, сидевшая по правую руку от графини. Она редко кого-то хвалила, и это признание стоило дорогого.

— Благодарю, тетушка. — Виктория отпила кофе из тонкой фарфоровой чашки. — Благодаря Лукану у меня появился прекрасный немецкий повар.

— Ох, да у тебя золотой дворецкий. — Эбигейл рассмеялась — редкость для ее строгого лица — и надломил ломтик еще горячего круассана. Масло тут же потекло по ее пальцам, и она промокнула их салфеткой с изяществом, доступным только истинным аристократкам. — Ах, чуть не забыла...

Эбигейл протянула Виктории небольшую коробочку, обтянутую темно-бордовым бархатом. Открыв ее, графиня нашла внутри два ароматных мешочка из тонкого полотна, перевязанных золотыми нитями.

— Корица? — с улыбкой спросила она, поднося один к лицу и вдыхая теплый, пряный аромат.

— Корица и мускатный орех, — с довольным видом и теплой улыбкой ответила Эбигейл. — Настоящие, из голландских колоний. Знаю, как ты любишь добавлять их в выпечку. А в России с этим, полагаю, пока сложно.

— Благодарю, тетя. Это чудесный подарок.

— У меня тоже для тебя есть небольшой подарок, — вмешалась Маргарет, сидевшая по левую сторону графини. Глаза ее сияли заговорщицким блеском.

Она протянула Виктории небольшую квадратную коробочку, обтянутую кремовым шелком и перевязанную атласной лентой. Виктория развязала бантик, сняла крышку — и замерла.

Внутри, на бархатной подушечке, лежал гребень.

Тот самый, который когда-то подарил ей дедушка. Старинный, из черепахового панциря, с искусной резьбой и тремя крупными рубинами, вправленными в серебряные оправы. Она помнила, как в детстве любила сидеть у туалетного столика бабушки, пока та расчесывала ей волосы этим гребнем. Помнила, как дедушка, уже будучи прикованным к постели, прошептал: «Это твое наследство, девочка. Пусть он принесет тебе счастье».

А потом, после его смерти, гребень исчез. Виктория обыскала весь дом, но так и не нашла.

— Ох, я думала, уже никогда его не увижу... — голос Виктории дрогнул. Она достала гребень, и на глазах ее выступили слезы — редкие, непозволительные для Астон, но сейчас она не могла их сдержать.

— Он вернулся к хозяйке, — мягко сказала Маргарет. — Я нашла его в старых вещах, когда разбирала бабушкин сундук перед отъездом. Решила, что ты должна его получить.

Виктория сжимала гребень в руках, не в силах вымолвить ни слова. Столько воспоминаний — детство, дедушка, бабушка, тот страшный год, когда они ушли один за другим...

Она подняла руку, чтобы вдеть гребень в волосы — жест,

почти ритуальный, словно возвращение к себе прежней.

Но в тот же миг ваза с фруктами, стоявшая в центре стола, с оглушительным треском лопнула пополам.

Яблоки, груши и мандарины покатались по белоснежной скатерти в разные стороны, заливая все вокруг соком из опрокинувшегося фужера. Осколки фарфора брызнули во все стороны, один едва не задел руку Маргарет.

Все замерли.

Лукан, стоявший рядом с госпожой, мгновенно среагировал — резко наклонился, чтобы собрать фрукты и убрать осколки, но в движении задел Викторию. Гребень выскользнул из ее ослабевших пальцев и с глухим стуком упал на паркет.

Украшавшие его рубины — три кроваво-красных камня — выскочили из оправ и покатались по полу, сверкая в утреннем свете.

— Какой ужас! — вскрикнула Маргарет, прижимая руки к груди.

— Ужасно... невоспитанно, — процедила Эбигейл, бросив на Лукана ледяной взгляд. — Похвалила — и зря. Дворецкий, который роняет семейные реликвии... что за неуклюжесть!

Лукан опустил на одно колено перед графиней.

— Прошу прощения, госпожа, — тихо произнес он, склонив голову. Голос его звучал ровно, но в нем не было обычной кошачьей мурлыкающей нотки — скорее холодное со-

жаление.

Но Виктория не смотрела на него.

Она встала из-за стола и стояла как вкопанная, глядя на упавший гребень, на рассыпавшиеся рубины. Лицо ее было бледным, но спокойным — слишком спокойным.

— Ничего, — наконец произнесла она, и голос ее звучал ровно, как лед на Неве. — Этому гребню уже очень много лет... Старые вещи должны оставаться в прошлом.

Она перевела взгляд на Лукана. В ее глазах не было гнева — только странная, пугающая пустота.

— Собери осколки, Лукан. И проследи, чтобы Мария убрала фрукты. — Она повернулась к родственницам и через силу улыбнулась. — Прошу простить эту неприятность. Продолжим завтрак.

Но завтрак был безнадежно испорчен. Эбигейл доедала круассан с каменным лицом, Маргарет то и дело бросала тревожные взгляды на кухню, а Виктория больше не притронулась к еде.

Мария спешно заменила постельное белье леди Эбигейл, после чего занялась влажной уборкой, попутно осматривая личные вещи гости. Сердце ее колотилось где-то у горла — никогда прежде ей не приходилось выполнять столь деликатные поручения, но приказ Лукана был четким: найти документы.

Она проверила прикроватную тумбочку — пусто. Заглянула под кровать — лишь пыль да забытая туфелька. Открыла чемоданы, бегло осмотрела содержимое — аккуратно сложенные платья, несессер с украшениями, книги. Ничего похожего на бумаги.

Уже отчаявшись, Мария отодвинула тяжелую штору, чтобы протереть подоконник, и тут заметила: у угловой тумбочки, из-под самого низа, что-то торчит. Какой-то уголок.

Она наклонилась и вытащила из-под тумбы небольшую прямоугольную шкатулку. Тяжелую, явно дорогую, с инкрустацией из перламутра. Попытки открыть ее провалились — на крышке красовался замысловатый замок: нужно было собрать узор из переплетающихся ветвей, чтобы механизм щелкнул. Настоящая головоломка, достойная искусного мастера.

Мария повертела шкатулку в руках, но ломать замок не стала — слишком рискованно. Она аккуратно поместила находку обратно под тумбу, ровно так, как та и лежала, после чего быстро протерла пол и покинула комнату до возвращения леди Эбигейл.

После завтрака Эбигейл вернулась в свою комнату. Быстро пробежавшись глазами по помещению, она убедилась, что порядок не нарушен — все лежало на своих местах. Привычка этой аристократки, пережившей не один заговор, заставляла ее быть осторожной.

Она подошла к кровати, приподняла матрас и достала из-

под него папку с документами — ту самую, что привезла из Англии. Из папки она извлекла чистый лист бумаги с личным гербом, после чего села за стол у окна. Макнув перо в чернильницу, она принялась писать письмо, то и дело поглядывая на дверь.

Леди Маргарет также отправилась в свою комнату после завтрака. На душе у нее было смутно — история с разбившимся гребнем не выходила из головы. Она шла задумчивая, немного грустная, но, не дойдя до дверей своих покоев, остановилась.

В коридоре, у большого окна, стоял Алексей.

Юноша поливал цветы в квадратном горшке под картиной с изображением зимнего пейзажа. Делал он это с таким сосредоточенным видом, словно от этого зависела судьба мира, хотя на самом деле просто не знал, куда девать глаза. Он чувствовал, что на него смотрят, но вида не подавал — только уши предательски покраснели.

Маргарет знала русский язык — гувернантки обучили ее еще в детстве, — но акцент у нее был куда сильнее, чем у Виктории. Это придавало ее речи особое очарование, словно птичка пела на незнакомом наречии.

— Вы ведь местный садовник? — спросила она, подходя ближе.

— Вы правы, госпожа, — тихо сказал Алексей и опустил глаза в пол. Руки его дрожали, и он крепче сжал лейку, чтобы это скрыть.

— Ох, я видела вашу прекрасную яблоню в столовой! — голос Маргарет зазвенел искренним восхищением. — Какой это труд — вырастить дерево в кадке, да еще и с плодами! Прошу вас, не смотрите в пол, словно перед вами королева! Я хочу видеть ваши глаза.

Алексей медленно поднял голову.

Перед ним стояла Маргарет. В ее больших голубых глазах сверкали восхищенные огоньки, она сияла словно маленькая девочка, впервые увидевшая рождественскую елку. Белоснежные локоны обрамляли ее нежное лицо, а легкий румянец делал ее похожей на фарфоровую статуэтку.

— Спасибо за теплые слова, — выдавил Алексей, чувствуя, как щеки наливаются пунцовым жаром. Сердце его колотилось где-то в горле.

— Я пригласила Викторию весной на свою свадьбу, — продолжала Маргарет, не замечая его смущения. — Она будет в Англии, наконец-то!

— Вы выходите замуж? — вырвалось у Алексея прежде, чем он успел подумать. В голосе его прозвучала едва уловимая нотка грусти, которую он тут же попытался скрыть.

— Да! — Маргарет даже прихлопнула в ладоши от радости. — Скоро я стану женой очень достойного человека. И в связи с этим событием, — она сделала паузу, словно готовясь объявить нечто важное, — я решила, что хочу пригласить всех слуг своей кухни!

Алексей удивленно поднял брови.

— Всех?

— Всех! — подтвердила Маргарет с сияющей улыбкой.

— У графини Виктории Астон служат прекрасные, талантливые люди. Я хочу, чтобы в это путешествие отправились все — и вы, и Мария, и Курт, и даже этот загадочный Лукан. Пусть все видят, как празднуют свадьбы в Англии!

— Большое спасибо за приглашение, — с поклоном произнес Алексей, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы очень добры, леди Маргарет.

— Это вы добры, что соглашаетесь! — Маргарет еще раз тепло улыбнулась и, легко коснувшись его руки в жесте прощания, направилась в свою комнату.

Дверь за ней закрылась.

Алексей остался стоять в коридоре, сжимая лейку так, что костяшки пальцев побелели. В груди поселилась странная, тянущая тоска.

«О чем я думал? — спрашивал он себя, глядя на закрытую дверь. — Она аристократка, леди, невеста важного человека. А я... я просто садовник, сирота без роду и племени.»

Он вспомнил ее глаза — сияющие, чистые, полные жизни. И улыбку — такую теплую, что на миг показалось, будто в коридоре стало светлее.

— Алексей, ты чего застыл? — раздался голос Марии, поднимавшейся по лестнице с ведром и тряпками. — А ну-ка помоги, тяжело!

Он вздрогнул, словно очнувшись ото сна, и поспешил к

ней, но в груди все еще ныло.

«Правильно Курт говорит: нечего смотреть на этих господ. Только душу травить.»

Ближе к обеду у поместья остановилась карета. Графиня Виктория Астон вместе с кузиной Маргарет Астон и леди Эбигейл в сопровождении дворецкого отправились на прогулку — сперва на рынок, а затем по торговым домам. В центре Санкт-Петербурга проводилась предновогодняя ярмарка, и весь город готовился к встрече нового, 1722 года.

Лукан же, перед отъездом, дал распоряжение прислуге: отправиться в лес и найти прекрасную елку для праздничного убранства поместья. Пока Курт и Алексей, вооружившись топорами и веревками, ушли в лес за главным рождественским деревом, Мария осталась в поместье — ей предстояло достать с чердака коробки с украшениями, чистить подсвечники и подготовить дом к приезду господ.

Погода выдалась на удивление солнечной и теплой для декабря. Легкий морозец не кусал, а лишь слегка пощипывал щеки, заставляя их румяниться. Леди Маргарет то и дело ахала от восторга, оглядываясь по сторонам.

Площадь перед огромным Гостиным двором напоминала сказочный городок. Чего тут только не было! Деревянные и каменные ларьки теснились друг к другу, пестря товарами: здесь и жареные блины с икрой и сметаной, и дымящиеся пироги с мясом и капустой, и огромные самовары, из кото-

рых торговцы разливали горячий сбитень и чай с травами. Пахло так, что у Маргарет потекли слюнки.

На небольшом помосте выступали скоморохи в ярких колпаках — кувыркались, играли на дудках и балалайках, дразнили прохожих. Толпа вокруг них хохотала, кидала мелкие монеты. Чуть поодаль, в огромной клетке, сидел настоящий медведь — бурый, лохматый, с умными грустными глазами. Рядом с клеткой стоял крупный мужик с длинной, густой бородой, одетый в тулуп и высокие валенки, и раздавал листовки с приглашением в цирк, который будет работать всю рождественскую неделю.

Маргарет то и дело хватала Викторию за руку и тащила то в одну сторону, то в другую: ей хотелось увидеть всё и сразу. Музыка, веселье, крики торговцев, зазывал, запахи — все это вызывало у нее бурю эмоций. Она смеялась, хлопала в ладоши, как маленькая девочка, и Виктория, глядя на нее, сама невольно улыбалась.

Одна лишь леди Эбигейл ходила с гордо поднятым носом. Даже веселье, что окружало ее со всех сторон, она старалась игнорировать. Выражение лица ее оставалось неизменно надменным, как и подобает английской аристократке, оказавшейся среди "этих русских мужиков". Она то и дело поджимала губы, оглядывая толпу, и лишь изредка бросала короткие замечания вроде "Какой ужас" или "Невероятная вульгарность".

Виктория держала под руку кузину. Они подошли к при-

лавку, на котором были разложены различные деревянные резные фигурки — звери, птицы, сказочные персонажи, — а также шкатулки, расписные подносы и небольшие зеркала в искусно вырезанных рамах. Маргарет тут же принялась перебирать фигурки, восхищаясь каждой.

Лукан стоял неподалеку, у соседнего прилавка, где продавались различные приправы и сухофрукты. Он делал вид, что изучает товар, но на самом деле ни на секунду не выпускал из виду свою госпожу.

Раздался хруст снега под тяжелыми шагами. К Виктории подошел мужчина — высокий, статный, с военной выправкой.

На вид ему было около тридцати пяти лет. Волосы его были убраны в компактный парик, перевязанный сзади черной лентой — мода, пришедшая из Франции и прочно обосновавшаяся при русском дворе. Одет он был в мундир темно-зеленого сукна с огромными медными пуговицами, сверкавшими на солнце. Узкий кожаный ремень стягивал талию, за ремень были заткнуты перчатки-краги с раструбами. На боку, в кожаных ножнах, тяжело покачивалась офицерская шпага с золоченым эфесом. Высокие кожаные ботфорты с квадратными носами были начищены до блеска, несмотря на снежную кашу под ногами.

— Полагаю, вы и есть та самая графиня Виктория Астон, о которой нынче говорит весь Петербург? — начал мужчина с легкой улыбкой, чуть склонив голову.

Графиня обернулась и одарила его вежливой, но сдержанной улыбкой.

— Афанасий Петрович Чернышев, — представился он, отвесив легкий, но изящный поклон. — Младший брат Григория Петровича Чернышева, офицер лейб-гвардии.

— Для меня честь познакомиться с вами, господин Чернышев. — Виктория слегка присела в реверансе. — Позвольте представить мою кузину — леди Маргарет Астон.

Она указала на стоящую рядом Маргарет. Та смущенно улыбнулась и тоже присела в реверансе перед офицером. Однако в этот момент раздался требовательный голос леди Эбигейл, зовущей Маргарет к прилавку с тканями. Кузина извинилась и упорхнула, оставив Викторцию наедине с Чернышевым.

— Прекрасная ярмарка, не правда ли? — начал Чернышев, оглядываясь по сторонам. — Ежегодно у нас в Петербурге такое веселье перед Рождеством и Новым годом. Государь Петр Алексеевич очень любит народные гуляния, поощряет их.

— Да, я никогда не видела ничего подобного, — призналась Виктория. — В Англии тоже бывают ярмарки, но такого размаха... это впечатляет.

— Это еще что, — оживился Чернышев, сверкнув глазами. — Если позволите, я мог бы сопроводить вас на цирковое представление. Оно начнется буквально через полчаса, там будут акробаты из Италии и дрессированные лошади.

Уверяю, вы не пожалеете.

Лукан, стоявший неподалеку и, казалось, изучавший мешочек с шафраном, краем глаза наблюдал за картиной. Улыбающаяся графиня в компании Чернышева, который то и дело с восхищением смотрел на Викторию, слегка подаваясь вперед при каждом слове, — все это вызывало в нем странное, непривычное раздражение. Пальцы его невольно сжали мешочек с приправой чуть сильнее, чем следовало.

— Даже и не знаю... — замялась Виктория, бросив быстрый взгляд в сторону, где стоял Лукан. — Мне еще нужно купить подарки родственникам, а также моим слугам.

— Слугам? — удивленно переспросил Чернышев, приподнимая бровь. — Вы покупаете подарки слугам?

— Именно. — Виктория улыбнулась чуть теплее. — Они хорошо служат, заслужили.

— Должно быть, у вас очень хорошие слуги, раз вы так о них заботитесь, — с искренним уважением произнес офицер. — Позвольте тогда хотя бы надеяться, что вы почтите меня своим присутствием на Рождественском ужине? Скромное семейное торжество, но моя матушка будет счастлива принять такую гостью.

Виктория открыла рот, чтобы ответить, но не успела произнести ни слова.

Где-то наверху раздался едва слышный щелчок — такой тихий, что обычный человек не обратил бы на него внимания. Но Виктория, наученная опытом общения с демоном,

вдруг почувствовала неладное.

Огромная куча снега, скопившаяся на крыше дома, возле которого они стояли, с оглушительным шумом рухнула вниз.

Снежная лавина накрыла Чернышева с головой, обдав его с ног до головы ледяной крошкой. Офицер охнул, выронил шпагу и принялся отряхиваться, чертыхаясь сквозь зубы. Его идеальный парик съехал набок, мундир покрылся белым налетом, а с усов свисали сосульки.

Виктория же осталась совершенно чистой — ни снежинки не упало на ее шубу и прическу. Она замерла, глядя на это "чудо", а затем медленно повернула голову в сторону Луки-на.

Демон стоял у прилавка с самым невинным выражением лица, разглядывая пучок сушеных трав. На губах его играла едва заметная, довольная улыбка.

— О Господи! — воскликнула подбежавшая Маргарет. — Афанасий Петрович, с вами все в порядке?

— Д-да, — пролепетал Чернышев, вытирая лицо платком. — Какая... неприятность... крыши здесь, знаете ли...

Он попытался сохранить достоинство, но выглядел при этом настолько комично, что даже леди Эбигейл, наблюдавшая за сценой издалека, едва заметно усмехнулась.

— Боюсь, господин Чернышев, — с трудом сдерживая смех, произнесла Виктория, — вам лучше поспешить домой и переодеться, чтобы не простудиться. Благодарю за приглашение, я подумаю.

Чернышев раскланялся, бормоча извинения за свой "неподобающий вид", и поспешно ретировался.

Виктория подошла к Лукану.

— Случайность? — тихо спросила она, глядя ему прямо в глаза.

— Конечно, графиня, — с ангельской улыбкой ответил Лукан. — Всего лишь несчастная случайность. Крыши в Петербурге, знаете ли, ненадежны.

— Крыши, значит.

— Именно, госпожа. Я лишь ваш преданный дворецкий. При чем здесь я?

Виктория смотрела на него долгим взглядом, в котором смешивались гнев, изумление и... что-то еще...

— Ты невыносим, — наконец выдохнула она.

— Я демон, графиня, — шепнул он так тихо, что слышала только она. — И я не люблю, когда на мою госпожу смотрят слишком... восхищенно.

Маргарет подбежала к ним, сияя.

— Виктория, пойдем скорее! Там такие расписные платки! И сладости! Целые горы!

Виктория позволила увлечь себя в толпу, но напоследок еще раз обернулась на Лукана.

Тот стоял на прежнем месте, поправляя перчатки, и в его глазах плясали довольные огоньки.

После долгих гуляний подарки наконец были куплены, и

вся компания отправилась обратно в поместье. Уставшие, но довольные, они въехали во внутренний двор уже в сумерках, когда фонари вдоль дорожек зажглись теплым маслянистым светом.

По прибытии все разошлись по комнатам — разобрать покупки, переодеться к ужину и немного отдохнуть после насыщенного дня. Через час, когда в столовой зажгли свечи и Курт подал первое блюдо, семейство вновь собралось за столом.

За ужином Виктория и Маргарет очень много разговаривали — смеялись, вспоминали ярмарку, делились впечатлениями. Леди Эбигейл лишь изредка поддерживала разговор короткими фразами. В основном она молчала, задумчиво помешивая ложкой суп и глядя куда-то в сторону, словно мыслями была далеко.

— Какой галантный офицер! — восхищенно сказала Маргарет, отрезая кусочек запеченной дичи. — Этот Чернышев... Афанасий Петрович! Он так изящно кланялся, так смотрел на тебя, кузина!

— Да, весьма неплох, — сдержанно поддержала Виктория, но в уголках губ пряталась улыбка. — Для русского офицера у него отличные манеры.

— Для русского?! — Маргарет даже вилку отложила. — Да он само очарование! И как он отряхивался после того, как на него свалился снег... — Она прыснула со смеху, но тут же прикрыла рот салфеткой. — Бедняга, конечно, но выглядело

это...

— Маргарет, — строго одернула ее Эбигейл, но в глазах ее мелькнула тень усмешки. — Неприлично смеяться над чужим несчастьем.

— Я не смеюсь, я восхищаюсь его стойкостью! — нашлась Маргарет. — Он даже не рассердился, только отряхнулся и улыбнулся.

— Он улыбался, потому что рядом была Виктория, — многозначительно заметила Эбигейл. — Я видела, как он на нее смотрел.

— Я тоже видела! — подхватила Маргарет, сверкая глазами. — Не удивительно, ведь ты так красива, сестрица! И этот офицер явно не прочь продолжить з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.